Юрий Тень

Пока нас не найдёт рассвет

NEON FILES

Юрий Тень

Пока нас не найдёт рассвет

«Автор»
2026

Тень Ю.

Пока нас не найдёт рассвет / Ю. Тень — «Автор», 2026

Одно дело. Одна улика. Одно решение.Казалось бы, всё просто. Но у правды редко бывает только одна сторона.Майами, 1988 год.Частный детектив Винсент Хейл берётся за дело, которое на первый взгляд не обещает ничего необычного. Но чем больше вопросов он задаёт, тем очевиднее становится: далеко не каждый хочет, чтобы ответы были найдены.Знакомство с Эвелин Брукс лишь добавляет загадок. Постепенно расследование выходит за рамки привычной работы, а каждый новый ответ заставляет по-другому взглянуть на то, что прежде казалось очевидным.Ведь иногда самое сложное — не найти правду, а понять, что с ней делать.

© Тень Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Город, который не задаёт вопросов 5
Акт I. Те, кого забрала ночь 8
Глава 1. Ночной посетитель 9
Глава 2. Номер 407 16
Глава 3. До рассвета 24
Глава 4. Выбраться 34
Г 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Пока нас не найдёт рассвет

Пролог. Город, который не задаёт вопросов

Майами. 17 октября 1988 года.

Ночью Майами становился честнее.

Не добрее и уж точно не безопаснее. Просто в темноте город переставал так старательно притворяться.

Днём он продавал приезжим солнце, пляжи, белые яхты и жизнь, которую можно начать заново. Туристам нравилось верить, что солёный воздух смывает старые ошибки. Местным было известно другое: ошибки здесь не смывались. Они оставались под слоем загара, дорогого парфюма и свежей краски на фасадах.

Вечером зажигался неон, и всё, что люди прятали от дневного света, получало собственные вывески.

Я стоял под навесом у входа в своё здание и ждал, когда дождь хотя бы сделает вид, что собирается закончиться.

Капли стекали с края крыши тяжёлыми нитями. За дорогой, между припаркованными машинами, вода собирала отражения красных и синих огней. Не полицейских — обыкновенная реклама бара. Тем не менее я по привычке посмотрел туда раньше, чем успел себя остановить.

Старые привычки особенно живучи, когда от них не осталось никакой пользы.

Я поднял воротник плаща, пересёк тротуар и вошёл в подъезд.

У моего агентства не было впечатляющей вывески. Небольшая табличка с именем, номер кабинета и лестница, которую хозяин здания обещал отремонтировать с тех пор, как я снял помещение. В хорошие дни здесь пахло бумагой и нагретой штукатуркой. Сегодня к этому добавилась сырость.

На втором этаже кто-то оставил раскрытое окно. Из него тянуло тёплым влажным ветром; где-то вдали посигналил автомобиль, затем второй. Город спорил сам с собой, как всегда, громко и без особых результатов.

Я задержался у окна.

С высоты лестничной площадки Майами выглядел почти пристойно. Витрина через дорогу светилась тёплым золотом, пальмы покачивались над крышей припаркованного «Кадиллака», по мокрой улице шла пара под одним зонтом. Мужчина держал его ближе к женщине и сам промокал до плеч. Она что-то сказала, он засмеялся.

Хорошая сцена. Из тех, которые не попадают в полицейские отчёты.

Я слишком долго зарабатывал на жизнь противоположными.

До сих пор иногда ловил себя на том, что мысленно составляю рапорт: время, место, свидетели, обстоятельства. Даже когда видел всего лишь двух людей под дождём. Когда служишь в полиции, привыкаешь верить, что любое событие можно разложить по строкам и поставить под ним подпись.

Потом узнаёшь, что подписи тоже кое-чего стоят.

Меня больше не просили составлять рапорты. Формально это называлось окончанием службы. В бумагах такие вещи всегда звучат чище, чем в жизни. У них вообще замечательная способность обходиться без неприятных подробностей.

Когда я уходил, мне казалось, что самое трудное — лишиться значка.

Ошибся.

Труднее было привыкнуть к тому, что некоторые люди, которым я когда-то верил, при встрече внезапно начинали изучать противоположную стену. А ещё — к тому, что всякий раз, услышав сирену, я по-прежнему поворачивал голову.

Внизу хлопнула дверь. Я отошёл от окна и поднялся дальше.

В кабинете было душно. Я включил настольную лампу, снял плащ и повесил его на спинку кресла. Кондиционер работал, если верить переключателю, но воздух с этим утверждением не соглашался.

На столе лежали два незакрытых дела и письмо от арендодателя.

Письмо выглядело самым угрожающим.

Я отложил его в сторону, хотя прекрасно знал содержание. Суммы не меняются от того, что перестаёшь на них смотреть. Я проверял.

Рядом стояла чашка с кофе, который успел остыть ещё до моего возвращения. Пах он так, словно даже кофейные зёрна потеряли веру в перспективы этого агентства.

Я сделал глоток.

Вкус подтвердил мои подозрения.

На стене напротив стола висела доска с заметками. Нити между фотографиями и адресами образовывали вполне убедительную картину — особенно если не знать, как мало за неё готовы платить. Я поправил один из листков. Булавка держалась плохо. В последнее время у меня всё держалось плохо: крепления на доске, дверца нижнего ящика, финансовое положение.

Правда, с последним булавка не помогла бы.

Я сел и раскрыл папку, с которой безуспешно пытался разобраться уже второй вечер. Человек на фотографии уверял, что каждую среду ездит к брату. Из двух квитанций и одного плохо сделанного снимка следовало, что средами дело не ограничивается, да и брат, вероятно, существовал только для отчётности перед женой.

Ничего необычного.

Большинство людей, обращавшихся ко мне, хотели узнать правду, которую заранее боялись услышать. Некоторые рассчитывали заплатить за удобную версию. С последними мы обычно расставались быстро.

Когда-то я думал, что частная практика позволит выбирать, кому помогать. На деле она чаще позволяла выбирать, какой счёт оплатить первым.

Я закрыл папку.

Было без малого десять.

Стоило уйти домой. Завтра я мог продолжить спор с квитанциями, забрать деньги за прошлую работу и, при удаче, уговорить арендодателя подождать ещё неделю. План был не хуже большинства моих планов за последние месяцы.

За окном мелькнули фары. Автомобиль медленно проехал вдоль тротуара, остановился у перекрёстка и исчез за поворотом.

Я поймал своё отражение в стекле. Тёмные волосы, которые дождь окончательно растрепал, серые глаза, щетина, галстук, который с утра так и не удалось заставить выглядеть прилично. Для человека, занимавшегося поиском чужих секретов, у меня самого осталось удивительно мало тайн. По крайней мере, так мне казалось.

Внизу вновь хлопнула дверь.

Потом послышались шаги.

Не торопливые. Не уверенные. Кто-то поднимался на второй этаж, останавливаясь между пролётами, будто сомневался, правильно ли поступает.

Я взглянул на часы.

Посетители в такое время редко приносили хорошие новости. Хорошие новости вообще плохо приживались в моём кабинете — слишком высокая арендная плата за квадратный фут.

Шаги стихли у двери.
Я подождал. Человек за ней, кажется, тоже.
Три негромких стука.
Я посмотрел на письмо арендодателя и убрал его под папку.
В тот вечер я ещё не знал, что некоторые долги невозможно погасить деньгами.
— Открыто, — сказал я.

Акт I. Те, кого забрала ночь

Глава 1. Ночной посетитель

Дверная ручка опустилась, но дверь открылась не сразу. В узкой щели показались пальцы, потом край рукава. Посетительница задержалась на пороге, словно мой ответ разрешал ей заглянуть, но ещё не войти.

— Если вы насчёт аренды, меня здесь нет.

Она не улыбнулась. Я отодвинул папку, под которой лежало письмо.

— Простите… Вы мистер Хейл?

— Зависит от того, кто спрашивает.

Женщина посмотрела на табличку снаружи, хотя наверняка прочла её перед тем, как постучать. Свет из кабинета ложился на её лицо сбоку. У виска прилипла мокрая прядь; на рукаве темнели пятна дождя. Сумку она прижимала локтем к боку. Другой рукой всё ещё держалась за дверную ручку.

— Мне сказали, что раньше вы работали в полиции.

— Раньше я много чего делал.

Ответ ей не помог. Она осталась стоять, и я понял, что сейчас она извинится ещё раз и уйдёт. Не потому, что передумала. Просто на лестнице у неё, вероятно, кончилась решимость, а я потратил остаток на разговор об аренде.

Я убрал руку с папки и показал на стул перед столом.

— Проходите. Вы выглядите так, будто у вас неприятности.

— Не у меня.

Она отпустила ручку. Дверь за её спиной медленно пошла обратно, и женщина придержала её, чтобы та не хлопнула.

— По крайней мере, пока.

На стуле лежала газета. Я забрал её и бросил на подоконник. Посетительница села на самый край, поставила сумку на колени и разгладила ремешок большим пальцем. На коже остался влажный след.

Я повернул лампу так, чтобы свет падал на стол, а не ей в глаза. Между нами лежали закрытая папка и моя чашка. Чашку я тоже отставил.

— Рассказывайте.

— Я работаю в отеле «Мираж». Сегодня вечером у нас пропала постоялица.

— Пропала?

— Управляющий говорит, что она выехала. Но…

На этом она остановилась. Снизу донёсся автомобильный гудок, протяжный и раздражённый. Женщина посмотрела в сторону окна, затем снова на меня.

Я ждал, не открывая блокнот. Она ещё не рассказала, из-за чего пришла.

— Обычно после «но» начинается самое интересное.

— Я слышала, что происходило в её номере.

Теперь она говорила тише. Я придвинул к себе блокнот, нашёл чистую страницу и взял ручку. Колпачок положил рядом, чтобы не щёлкать им в паузах.

— Что именно?

— Сначала какой-то грохот. Будто опрокинули мебель. Потом женский голос. Она говорила громко, но я не разобрала слов. И ещё один удар. Глухой.

Я записал звуки в том порядке, в каком она их назвала. Напротив голоса оставил место. Ни просьбы о помощи, ни угрозы она пока не слышала — только голос за дверью. Всё остальное было бы моим дополнением к её рассказу.

Женщина следила за ручкой. Когда я закончил писать, она сжала ремешок обеими руками.

— Вы вошли?

— Нет. Я… Я решила, что постояльцы ссорятся. Такое иногда бывает.

Последнюю фразу она произнесла быстро, почти без голоса. Потом выпрямилась, словно готовилась выслушать замечание.

Я знал это движение. Люди часто приходили уже после того, как успевали допросить себя сами. Каждый раз выбирали другой ответ, представляли, как поворачивают назад, открывают дверь, звонят вовремя. К тому моменту, когда перед ними оказывался настоящий собеседник, они могли помнить собственную вину отчётливее, чем события.

— Теперь думаю, что должна была постучать.

Я положил ручку поперёк страницы.

— Пока мы не знаем, что там произошло. Не будем придумывать вам вину раньше времени.

Она впервые посмотрела прямо на меня. Не с облегчением; для облегчения моих слов было мало. Но пальцы на ремешке разжались.

— Постарайтесь вспомнить время. Насколько точно сможете.

— В 19:58. Я как раз заканчивала обход четвёртого этажа.

Она произнесла цифры уверенно. Я вывел их на полях и задержал над бумагой ручку.

— Около 19:58.

— Да. Примерно так.

Перед цифрами я дописал «ок.». Она заметила это и кивнула.

На улице стало тише. Вода капала с наружного подоконника, и в промежутках слышалось неровное гудение кондиционера. Женщина чуть подвинулась на стуле. Я подождал, пока она устроит сумку удобнее, прежде чем задать следующий вопрос.

— Уточним две вещи. Шум вы услышали примерно в 20:00?

— Да. Незадолго до восьми.

— И своими глазами вы не видели, чтобы девушка уходила?

— Нет.

Я провёл короткую черту под записью: отъезда она не видела.

— Как зовут постоялицу?

— Эвелин Брукс. Номер 407.

Имя заняло новую строку. Четыреста семь — следующую. Пока передо мной не было ни фотографии, ни описания комнаты, ни гостиничных документов. Только имя человека, которого одна женщина не смогла выбросить из головы и ради которого ненадолго оставила работу.

— Вы хорошо её знали?

— Не особенно. Она была вежлива. Всегда здоровалась.

Посетительница опустила взгляд на мои записи. Я ещё не взялся за ручку, и она, кажется, решила, что сказала что-то ненужное.

— Знаете, большинство постояльцев смотрит сквозь нас. А она запомнила моё лицо.

Я посмотрел на неё внимательнее. До этого она говорила о постоялице, номере, управляющем. Теперь впервые стало понятно, почему она сидит здесь, в мокрой одежде, хотя ей ещё нужно вернуться в отель и продолжить смену.

Рядом с именем Эвелин я оставил место. До этой минуты там помещались только номер комнаты и время шума.

— Что произошло после того, как вы услышали шум?

— Я продолжила работу. Позже узнала, что мисс Брукс якобы выехала. Я спросила управляющего, всё ли с ней в порядке.

Она помедлила. Там, в отеле, этот вопрос, по-видимому, прозвучал проще. Здесь ей пришлось заново решиться его повторить.

— И?

— Он сказал, что постоялица рассчиталась и покинула отель. Велел не задавать лишних вопросов.

Я записал: «Со слов управляющего». Под этими словами — «рассчиталась». Ни суммы, ни времени расчёта у меня не было. До самого управляющего этот разговор ещё предстояло донести, желательно так, чтобы он успел дать собственную версию прежде, чем узнает, что мне рассказали.

— Сколько раз?

— Что?

— Сколько раз он велел вам не задавать вопросов?

— Дважды.

— Значит, вы задали хороший вопрос.

Уголок её рта дрогнул, но улыбки не вышло. Вряд ли хорошее качество вопроса могло утешить человека, которому в эту же ночь предстояло снова встретиться с начальником.

Я откинулся на спинку кресла и перечитал страницу. Грохот. Женский голос. Второй удар. Позднее — сообщение об отъезде. Между этими событиями оставалось пространство, о котором моя посетительница ничего не знала. Мне нужно было добраться до отеля и выяснить, чем оно заполнено.

Пока же я видел, как она следит за моим лицом. Молчание затянулось всего на несколько секунд, но ей хватило.

— Возможно, я зря пришла.

— Возможно.

Она опустила глаза. Ремешок скользнул с колена, и женщина торопливо подхватила его, словно уже собиралась вставать.

— Но вы всё-таки здесь. Значит, что-то вас не отпускает.

Она осталась сидеть. Снаружи проехала машина; свет фар на мгновение поднялся по стене за её плечом и исчез. Посетительница проводила его взглядом.

— Мне нужно вернуться в отель. Я ещё не закончила смену. Если управляющий узнает, что я была у вас…

Окончания фразы не потребовалось. На моём столе тоже лежала бумага, от которой зависело, смогу ли я и дальше сидеть в этом кабинете. Разница состояла в том, что я мог запереть дверь перед неприятным посетителем. Она обязана была здороваться с ним каждый рабочий день.

— Ваше имя ему от меня не достанется.

— Вы обещаете?

Я посмотрел ей в глаза.

— Я обещаю не разбрасываться именами людей, которые пришли за помощью.

Управляющий мог вспомнить её вопросы и без меня. Я оставил имя посетительницы за пределами записей, которые собирался ему показать.

Она медленно кивнула. Провела ладонью по колену, расправляя ткань, и лишь после этого заговорила снова.

— Я не знаю, похитили её или нет. Может быть, она действительно уехала. Может быть, я всё неправильно поняла.

Слово «похитили» прозвучало впервые. Я не перенёс его на бумагу. Оно объясняло страх свидетельницы, но не добавляло нового к тому, что она слышала за дверью.

— Вот это мы и выясним.

Я закрыл блокнот, оставив палец между страницами, чтобы сразу открыть нужную запись в отеле. Потом вытащил из-под него ключи от машины.

— Я съезжу в «Мираж». Посмотрю номер, поговорю с персоналом.

Она перевела взгляд на ключи. Простое движение, кажется, убедило её лучше, чем мои предыдущие ответы.

— Спасибо, мистер Хейл.

Женщина поднялась. Стул тихо скрипнул по полу, и она оглянулась на него с тем же извиняющимся выражением, с каким вошла. Я встал тоже.

— Только одно условие.

Она остановилась.

— Какое?

— Если вспомните хоть что-нибудь ещё, даже мелочь, расскажите мне.

— Хорошо.

— И не пытайтесь самостоятельно выяснять, что скрывает ваш начальник.

Её рука, уже поднятая к плечу, замерла с ремешком сумки.

— Вы думаете, это опасно?

— Покане знаю. Поэтому и прошу.

Я сказал это спокойно. Ей не требовалось уносить с собой ещё и мой страх, для которого пока не было достаточно оснований.

У двери она переложила сумку на другое плечо. Я отступил, освобождая проход. На лестничной площадке горела тусклая лампа; её свет делал мокрые следы на рукаве почти незаметными.

Женщина кивнула мне ещё раз и вышла.

Я не сразу закрыл дверь. Слышал, как она спускается: шаги, короткая пауза на площадке, снова шаги. Теперь она шла быстрее, чем поднималась. Внизу открылась и мягко стукнула входная дверь.

Я вернулся к столу.

Стул остался немного повёрнутым к выходу. На его спинке поблёскивала капля воды. Я провёл по ней пальцем, придвинул стул обратно и раскрыл блокнот.

Эвелин Брукс. Номер 407.

Шум около восьми вечера. Сообщение о выезде, которого свидетельница не видела. Управляющий, дважды попросивший её не задавать вопросов.

Я перечитал описание звуков. Женщина не входила в номер. Мне пока было нечего поставить рядом с её рассказом.

Я открыл нижний ящик. Дверца заела, пришлось придержать её коленом. Внутри, под старыми конвертами, лежали чистые папки. Я взял одну, положил на стол и написал на обложке имя. Ниже — название отеля и номер комнаты.

Лист из блокнота лёг в новую папку.

Горничная проделала весь путь до моего кабинета потому, что в отеле её не захотели выслушать. Возможно, завтра она будет стыдиться своей тревоги. Я надеялся, что именно так и выйдет.

Плащ на спинке кресла ещё не высох. Я надел его, проверил, лежат ли в кармане ключи, и взял папку. Лампа освещала на обложке имя девушки, которую я никогда не видел.

— Посмотрим, куда вы исчезли, мисс Брукс.

К мраморным ступеням «Миража» как раз подали автомобиль. Пришлось подождать, пока пассажирка сядет и швейцар закроет дверцу. Никто не торопился; мои двадцать минут дороги ещё не означали, что здесь меня ждали.

Было около 22:20. Отель ещё жил вечерней жизнью. Сквозь стекло виднелись кресла, свежие цветы, спина человека с газетой. Здесь ничего не случилось — по крайней мере, ничего, ради чего стоило бы приглушить музыку.

Я поднялся по ступеням. Над входом сияло название. «Мираж» умел производить впечатление места, в котором неприятности оставляют вместе с мокрым зонтом.

В вестибюле пахло полировкой и цветами. Где-то играло пианино. За стойкой женщина перекладывала бумаги, выравнивая края короткими движениями пальцев. Я дождался, пока она поднимет голову.

— Добрый вечер. Добро пожаловать в «Мираж». У вас забронирован номер?

— Пока нет. Я ищу одну из ваших постоялиц.

— Назовите её имя, пожалуйста.

— Эвелин Брукс. Номер 407.

Женщина задержала на мне взгляд.

— Одну минуту.

Она посмотрела в бумаги. Я положил ладонь на край стойки и ждал. Дерево было гладким, прохладным. Человек с газетой перевернул страницу.

— Боюсь, мисс Брукс сегодня выехала.

— Во сколько?

— Около 20:00. 20:10, если быть точной.

— Вы сами оформляли её выезд?

— Этим занимался управляющий.

В блокноте стояло: шум около 19:58. Если выписка не ошибалась, через двенадцать минут после него Эвелин уже покинула отель. Я посмотрел на лестницу за стойкой, пытаясь представить, сколько времени потребовалось бы спуститься с вещами.

— Вы лично видели, как мисс Брукс покинула отель?

— Нет, сэр. Мне сообщили, что вопрос уже улажен.

— Кто сообщил?

— Наш управляющий.

На слове «наш» она положила руку поверх бумаг. Не спрятала их — просто перестала перекладывать.

— То есть с самой Эвелин вы сегодня вечером не разговаривали?

— Нет.

— Понятно.

Я достал блокнот. Для записи хватило одной строки: администратор отъезда не видела, оформление — по распоряжению управляющего. Слова о благополучно улаженном вопросе я оставил за пределами строки. Они не указывали ни на человека, который уладил его, ни на способ.

Женщина посмотрела на блокнот.

— Могу я узнать, кем вы приходитесь мисс Брукс?

— Частный детектив. Меня попросили убедиться, что с ней всё в порядке.

Её плечи чуть поднялись. Улыбка осталась, но стала неподвижной.

— В таком случае вам, наверное, лучше поговорить с нашим управляющим.

Я не успел ответить.

— И вот я уже здесь.

Мужчина подошёл к стойке так, словно мы ждали его по предварительной договорённости. Он занял место сбоку, откуда мог видеть и меня, и бумаги перед администратором. В его одежде не было ничего случайного; даже рука, которую он положил на стойку, легла ровно там, где ей полагалось.

— Добрый вечер. Мне сообщили, что вас интересует одна из наших бывших постоялиц.

— Бывших?

— Мисс Брукс выехала сегодня вечером. Надеюсь, с ней ничего не случилось?

— На это я и пытаюсь ответить.

— Разумеется. Чем можем помочь?

Он произнёс это достаточно громко, чтобы я мог задавать вопросы без ощущения тайного разговора. Услуга клиенту. Небольшая любезность. Я решил проверить, сколько места внутри этой любезности отведено документам.

— Покажите мне запись о её выезде.

— Мы не имеем привычки показывать гостевые документы посторонним.

— Тогда расскажите, как прошёл её отъезд.

— Совершенно обычно. Мисс Брукс пожелала покинуть отель. Мы уважили её решение.

— Она сама подошла к стойке?

— Я лично распорядился оформить её выезд.

Я подождал продолжения. Его не было. Мужчина смотрел на меня с готовностью оказать следующую посильную помощь.

Он ответил на вопрос о собственной работе. Я спрашивал о девушке.

— С ней говорил кто-нибудь ещё?

— Наш персонал ежедневно обслуживает десятки гостей, мистер...

— Хейл.

— Мистер Хейл. Мне было бы затруднительно восстановить каждый их разговор.

— Мне достаточно одного. С Эвелин Брукс.

За стойкой администратор опустила глаза. Я не повернулся к ней. Пока говорил управляющий, её молчание оставалось только молчанием; нельзя было использовать его вместо ответа, который мне хотелось получить.

— Послушайте. Я понимаю ваше беспокойство. Но мне бы не хотелось, чтобы обычный выезд превратился в повод для неприятных слухов.

— Тогда запись о выезде сэкономит нам обоим время.

Он посмотрел на администратора. В этой паузе пианино стало слышно отчётливее. Музыкант — или запись, я не видел инструмента — повторил короткую мелодическую фразу.

— Принесите выписку по 407-му. Только сведения о выезде.

Женщина достала документ. Управляющий проследил за движением её руки, потом снова повернулся ко мне.

— Вот, сэр.

Я взял выписку за край и поднёс ближе к свету.

Семнадцатое октября. Номер 407. Выезд в 20:10.

Строка сообщала именно то, что мне уже сказали. В ней не было ни спешки, ни раздражения, ни просьбы не задавать вопросов. Я проверил дату ещё раз. Бывает, противоречие оказывается чужой записью с соседней страницы. Здесь это объяснение не подходило.

Выписку я положил рядом с блокнотом. Её аккуратность ничего не доказывала, кроме того, что кто-то аккуратно оформил выезд.

— Кто мог попасть в номер 407, кроме самой Эвелин?

— Уборка, обслуживание номеров. Обычный персонал.

— Запасной ключ кому-нибудь выдавали?

— Насколько мне известно, никаких особых распоряжений не было.

— А вы сами кому-нибудь разрешали войти?

— Нет. И не вижу, какое отношение это имеет к её отъезду.

Я записал отрицание. Управляющий посмотрел на ручку с гораздо меньшим удовольствием, чем прежде смотрел на собственную выписку.

Он имел право не любить этот разговор. Частные детективы редко помогали гостиницам заполнять номера. Но пока меня интересовала не его неприязнь, а пределы версии, которую он готов был подтвердить.

— Вечером к мисс Брукс никто не приходил?

— Если бы она приглашала посетителей, мы вряд ли стали бы вмешиваться.

— Меня интересует, давали ли вы кому-нибудь доступ к её номеру или к служебным помещениям.

— Разумеется, нет. Посторонним туда вход запрещён.

Новая строка легла под предыдущей. Я давал ему время поправить сказанное. Вспомнить исключение, проверить распоряжение, позвать человека, который знал больше. Он ничего этого не сделал.

— Итак, она выехала добровольно, никаких посетителей вы не пропускали и никому не выдавали запасной ключ.

— Совершенно верно.

Я закрыл блокнот.

— Тогда вы не будете возражать, если я осмотрю номер.

Улыбка исчезла не полностью. Скорее он на секунду забыл её поддерживать.

— Мистер Хейл, это всё-таки гостиница, а не полицейский участок.

— Вот и прекрасно. В полицейском участке у меня обычно уходит больше времени.

Он помолчал. Я не стал напоминать ему, что он только что предложил помощь. Стоял у стойки и ждал, оставляя ему возможность решить, что разрешение было его собственной разумной мыслью.

— Хорошо. Комнату ещё не подготовили для следующего гостя. Попросите сотрудницу проводить вас.

Он повернулся к администратору.

— Передайте распоряжение. И пусть мистер Хейл не задерживается.

Управляющий отошёл от стойки. Я проводил его взглядом, затем убрал выписку в папку. Там стало два листа: рассказ человека, который слышал что-то тревожное, и документ, согласно которому повода для тревоги не существовало.

Администратор смотрела вслед начальнику. Когда она повернулась ко мне, выражение лица уже снова подходило для работы с гостями.

— Четвёртый этаж. Номер в конце коридора.

— Спасибо. Вы очень помогли.

— Я только сообщила вам то, что записано в журнале.

— Конечно.

Верхний лист перед администратором лежал ровно, но она снова выровняла его по краю стойки. Я мог продолжать спрашивать об отъезде. Она уже сказала, что сама его не видела, и я закрыл блокнот.

Я убрал ручку и отошёл.

Горничная уже вернулась к работе. Администратор передала ей распоряжение управляющего; мы договорились подняться к номеру вместе. Перед осмотром она подошла к стойке. Администратор сняла с крючка запасной ключ с номером 407 и раскрыла небольшой журнал. На часах было 22:30. Горничная расписалась в получении; ключ остался у неё. Я ждал у лестницы, пока они закончат.

Пианино продолжало играть. У входа кому-то открыли дверь, и на секунду внутрь проникли влажный воздух и шум шин. Здесь всё ещё можно было поверить, что Эвелин Брукс просто рассчиталась, взяла вещи и уехала.

Мне предстояло увидеть комнату, которую она оставила.

Глава 2. Номер 407

На четвёртый этаж мы поднялись вместе. Музыка осталась внизу. Ковровая дорожка глушила шаги; у одинаковых дверей лежали узкие полосы света. Горничная прошла вперёд и остановилась у номера 407.

Горничная стояла чуть в стороне от двери. При свете коридорных ламп она выглядела иначе, чем в кабинете: здесь у неё было своё место, обязанности и начальник, который мог появиться в любую минуту. Визит ко мне ничего этого не отменил.

Она посмотрела на номер 407.

— Управляющий сказал, что я должна вас впустить.

— Только это?

— И чтобы вы ничего не трогали без необходимости.

— Тогда постараюсь трогать только необходимое.

Я остановился рядом, оставив ей место у замка. Она достала ключ. Небольшой металлический звук в тишине коридора показался отчётливее любого стука.

— Это здесь.

Дверь открылась. Женщина отступила, пропуская меня, и осталась у порога.

Я вошёл не сразу. Из дверного проёма можно было увидеть комнату целиком, прежде чем собственное движение начинало менять её: задевать край покрывала, сдвигать сумку, заставлять человека рядом поправлять то, что он привык поправлять на работе.

Никакого разгрома. Стул стоял под неправильным углом к кровати. Покрывало было сбито в сторону. Открытый чемодан, одежда на кресле. Комната человека, занятого обычными делами, которого здесь уже записали выехавшим.

Я поставил папку там, где ей ничто не мешало, и достал Polaroid. Перед выходом из машины я забрал камеру; теперь её ремень скользнул по рукаву плаща. Горничная следила за моими руками.

Сперва кровать и стул. Я выбрал точку, с которой в кадр попадало их взаимное положение, а не один выразительный угол. Фотография должна была позволить потом вспомнить комнату, а не моё нынешнее впечатление от неё.

Затвор щёлкнул. Камера вытолкнула снимок. Я положил его проявляться и подождал, пока тёмные участки начнут приобретать очертания.

Я посмотрел на стул поверх проявлявшегося снимка. Его положение ещё можно было объяснить небрежностью. Звук второго удара, о котором говорила горничная, мешал принять это объяснение без проверки.

Я перешёл к чемодану.

Часть одежды оставалась аккуратно сложенной внутри, часть лежала на кресле рядом. Я не стал перебирать вещи. Эвелин заселилась сегодня; она могла как собирать вещи, так и ещё разбирать их после приезда.

Больше двух часов назад постоялица якобы уехала, но чемодан оставался здесь.

Рядом с креслом находилась небольшая кожаная сумочка. Я присел и открыл её настолько, чтобы увидеть содержимое.

Кошелёк. Наличные. Косметика. Личные мелочи, которые человек носит с собой, не задумываясь о том, что они расскажут о нём постороннему.

И ключ от номера.

Я не вытаскивал деньги и не считал купюры. Для вопроса, который привёл меня сюда, хватало того, что они остались. Сумочку я раскрыл чуть шире, сделал второй снимок и вернул застёжку в прежнее положение.

Позади тихо шевельнулась горничная.

— Это плохо, да?

— Это странно.

— Я знала.

Я поднялся.

— Не торопитесь. Знать и бояться, что знаешь, - разные вещи.

Она смотрела не на меня, а на сумочку.

— Я видела её с этой сумочкой.

— Вы уверены?

— Я приносила ей полотенца. Когда она спускалась в ресторан, сумочка была с ней.

— Полезная деталь.

— Думаете, управляющий соврал?

— Пока у меня есть только несколько вещей, которые не любят его версию.

— А этого недостаточно?

— Для подозрений - более чем. Для ответа - пока нет.

Горничная стояла возле моей папки. Она уже однажды пришла просить о помощи, и ей снова приходилось ждать, пока я решу, что можно сказать вслух.

Я достал выписку о выезде. Обвинить управляющего по виду комнаты было проще, чем выяснить, на чём держалось его объяснение.

— Что теперь?

— Теперь я хочу посмотреть, как именно она якобы выехала.

Я пригладил сгиб выписки, чтобы время оставалось на виду, и положил рядом страницу из кабинета.

— Вы сказали, шум был около 20:00.

— Без пары минут.

— Управляющий записал выезд на 20:10.

Она посмотрела на лист, затем на чемодан.

— 12 минут?

— Примерно.

— Этого хватило бы, чтобы собрать всё?

— По комнате этого не установить.

Я ещё раз осмотрел комнату. Соединил в уме звук, описанный горничной, с тем, что теперь видел сам. Резко сдвинутый стул, сбитое покрывало. Открытый чемодан ничего к этому не доказывал; оставленные сумочка, деньги и ключ плохо согласовывались с выездом.

В комнате произошёл конфликт. Я записал вывод рядом с показаниями горничной, оставив фотографии отдельно.

Первый снимок уже проявился. Я посмотрел на него под другим углом, проверяя, различимы ли детали, и положил в папку. Теперь рядом с рассказом горничной лежало то, на что я мог указать сам.

— Когда человек выезжает из такого места, ему ведь приходится рассчитаться?

— Конечно.

— На стойке мне показали только журнал.

— Тогда попросите гостевой счёт.

— Его хранит администратор?

— Да.

Я убрал второй снимок. Камера снова повисла на ремне.

Перед выходом я проверил, что оставил сумочку на прежнем месте. Деньги и собственный ключ Эвелин оставались в номере. Горничная ещё раз посмотрела на кровать, закрыла за нами дверь и повернула ключ в замке.

Где-то за стеной работал телевизор. Мы прошли по коридору к лестнице.

У стойки горничная вернула запасной ключ администратору. Та повесила его в шкаф и вписала в журнал время возвращения — 22:45. До разговора о счёте оставалось только убрать камеру и достать блокнот.

Администратор ещё не убрала журнал. Я дождался, пока она закроет его, и положил папку на стойку. Спустя несколько минут часы показали 22:50.

— Мистер Хейл. Вы уже закончили осмотр?

— Почти.

— Вам удалось что-нибудь выяснить?

— Например, что мисс Брукс не слишком аккуратно собрала вещи.

— Простите?

— Она оставила в номере кошелёк. Чемодан тоже решил остаться.

Женщина опустила взгляд. До этого я знал, что она не видела отъезда. Теперь мне предстояло выяснить, что ей известно о документах, которые этот отъезд подтверждали.

— Возможно, она собиралась вернуться.

— Возможно. Но ваш управляющий утверждает, что она окончательно выехала.

Я дал ей время ответить. Она посмотрела на мою папку, но ничего не сказала.

— Мне понадобится её гостиничный счёт.

— Боюсь, сведения о расчётах наших гостей конфиденциальны.

— Я не прошу показать её покупки или номер кредитной карты. Мне нужно выяснить, был ли вообще оформлен расчёт.

— Господин управляющий уже предоставил вам выписку из регистрационного журнала.

— Именно поэтому мне и нужен счёт.

Я достал выписку и положил её перед собой. Далеко от края стойки, чтобы женщине не пришлось отодвигать документ. Жест был небольшим, но он помогал удержать разговор там, где тот мог принести пользу: возле бумаги, которую она знала и имела право проверить.

— Можете скрыть все лишние сведения. Мне нужна только итоговая строка. Дата, сумма, отметка о расчёте.

— И этого будет достаточно?

— Чтобы задать следующий вопрос - вполне.

Она смотрела на меня несколько секунд. За её спиной находились служебные двери, телефон, шкафы — обычные принадлежности работы. Я не знал, что именно мешало ей сильнее: правила гостиницы или мысль о том, что начальник потом спросит, почему она их обошла.

— Подождите здесь.

Она ушла за бумагами. Телефон остался на месте; разрешения у управляющего она не спрашивала. Я убрал руки со стойки и повернулся вполоборота к вестибюлю, позволяя ей вернуться без ощущения, что всё это время я следил за дверью.

Наверху лежал кошелёк. Внизу пока существовала история о завершённом расчёте. Если у неё имелось простое объяснение, гостиничный счёт был лучшим местом, чтобы его найти.

Администратор вернулась с листом.

— Я могу показать вам только итоговую часть счёта.

— Этого достаточно.

Она положила документ на стойку и придержала верхнюю часть. Мне остались доступны имя, номер комнаты, даты и итог. Я наклонился ближе.

Эвелин Брукс. Номер 407. Заезд семнадцатого октября, выезд — в тот же день.

К оплате: восемьдесят четыре доллара шестьдесят центов.

Ни подписи гостьи, ни отметки об оплате. Счёт открыт.

Я посмотрел на последнюю строку ещё раз. Не зачёркнута, не исправлена, не снабжена пояснением о переносе расчёта. Просто не закрыта.

— Счёт всё ещё открыт.

— Да.

— А в журнале написано, что гостья выехала в 20:10.

— Иногда окончательные расчёты проводят позже.

— Такое было согласовано с мисс Брукс?

— Мне об этом неизвестно.

— Кто оформлял её выезд?

— Управляющий. Я уже говорила.

— А кто закрыл её счёт?

Она опустила глаза к документу. Я ждал. Ответ находился перед нами обоими, но мне требовалось, чтобы она сама его произнесла.

— Никто.

— Вот и мне это показалось странным.

Я положил выписку о выезде рядом со счётом. Дата и номер комнаты совпали.

Выезд оформили без расчёта. На фотографии из комнаты лежал кошелёк — деньги, которые никто здесь не взял. Администратор могла объяснить ошибку в одном листе. Я ждал, объяснит ли она оба.

— Вы ведь понимаете, почему я задаю эти вопросы?

— Потому что вас наняли искать мисс Брукс.

— Потому что её никто не видел уходящей, а ваш журнал уверяет в обратном.

— Я не писала эту запись.

Она ответила быстро. Я ещё не успел спросить об авторе записи. Её рука сдвинулась по стойке, как будто она собиралась забрать документ, но остановилась у края.

— Я знаю.

— Тогда почему вы смотрите на меня так, будто я сделала что-то неправильное?

— Потому что вы боитесь, что кто-нибудь решит именно так.

Женщина отвела глаза. Мне не нравилось загонять её в это молчание. Она могла сейчас позвать управляющего, прекратить разговор и до конца смены отвечать только на вопросы о свободных номерах. Я бы лишился не только возможного свидетеля, но и человека, который понимал, как в отеле устроены обычные вещи.

— Я не собираюсь делать вас ответственной за чужие подписи. Мне нужно найти Эвелин.

— Тогда ищите её.

Она смотрела в сторону, пока я убирал ручку.

— Но я больше ничем не могу вам помочь.

Я проследил за её взглядом. Дверь служебного коридора. Ничего примечательного: вход туда, где держали всё необходимое для безупречного вида вестибюля. Но женщина посмотрела туда ещё раз.

Я не стал спрашивать, кого она ждёт. Задал вопрос о здании.

— Скажите, из этого здания можно выйти, не проходя через вестибюль?

— Разумеется. Есть служебные помещения, выход для поставщиков...

Она замолчала.

— Где он находится?

— За служебной дверью на первом этаже.

— У него отдельный вход с улицы?

— Задний двор. Туда подъезжают поставщики.

— По вечерам тоже?

— Доставки обычно заканчиваются раньше.

— А сегодня?

— Я не слежу за служебными дверями, мистер Хейл.

— Кто следит?

— В ночном журнале должны быть отметки персонала.

Я поправил папку, чтобы освободить край стойки. Женщина снова посмотрела на служебную дверь.

— Только я не уверена, что вам разрешат его посмотреть.

— Начну с самой двери.

— Мистер Хейл...

Я остался на месте. Она оглянулась на служебный проход и заговорила тише.

— Будьте осторожны с тем, какие вопросы задаёте нашему управляющему.

— А вы - с тем, на какие соглашаетесь отвечать.

Я попросил разрешения переписать доступную часть счёта. Администратор кивнула и держала лист, пока я переносил в блокнот имя, номер комнаты, даты, сумму и состояние счёта. Сверив записи с оригиналом, я отделил лист от блокнота и вложил свою рукописную копию к выписке. Администратор забрала документ и отвела глаза.

Я не стал задерживать её новым вопросом об управляющем. В служебном коридоре дверь ещё качалась после прошедшего сотрудника. Надо было увидеть, куда она ведёт.

К четвёртому этажу я поднялся около 23:05. Горничная убирала тележку с прохода; теперь я заметил, как тесно та вставала между стеной и дверями номеров. Увидев меня, женщина остановилась.

— Мистер Хейл? Вы что-то забыли?

— Надеюсь, кто-нибудь другой.

— Простите?

— Мне нужно посмотреть служебный выход. Тот, что ведёт во двор.

— Управляющий разрешил вам осматривать номер. Про служебные помещения он ничего не говорил.

— Знаю. Поэтому я вас и спрашиваю.

— А что именно вы хотите там найти?

— Путь, которым человек мог покинуть отель, ни разу не появившись в вестибюле.

— Я могу показать вам лестницу. Она ведёт к выходу для поставщиков.

— Буду признателен.

— Только давайте побыстрее.

За служебной дверью ковёр кончился. Бетонные ступени были стёрты по краям, на крашеной стене темнели следы от задевавших её тележек. От номера Эвелин сюда было меньше минуты ходьбы. Горничная пропустила меня вперёд, затем пошла рядом.

— Сюда почти никто из гостей не ходит.

— А посторонние?

— Не должны.

— Хорошее правило. Жаль, правила редко умеют запирать двери.

На площадке она вдруг остановилась.

— Подождите...

— Что такое?

— Мне кажется, я сегодня видела здесь одного мужчину.

— Не будем торопиться. Сначала посмотрим выход.

Мы спустились. Нижняя дверь оказалась заперта; горничная открыла её изнутри и придержала, пока я осматривал защёлку. Металл вокруг был потёрт от постоянного использования. Ничего, что само по себе объясняло бы исчезновение.

— Обычно после вечерних доставок дверь проверяют.

— Кто?

— Дежурный сотрудник. Он делает отметку в журнале.

— Тогда этот журнал мне определённо понравится.

За порогом лежал мокрый бетон. По краю площадки стояли контейнеры, дальше начиналась небольшая дорога. Здесь могла остановиться машина, и у главного входа её бы не увидели. Я отступил так, чтобы в кадр вошли дверь и подъезд к ней, и сделал снимок.

Горничная ждала у порога. Вода капала с навеса ей за спину. Я вернулся под крышу: искать на залитом бетоне следы, которых уже не было видно, значило только держать её здесь дольше.

— Вы сказали, выход проверяют по вечерам.

— Да.

— Где хранится журнал?

— У служебного входа, внутри. В нём расписываются сотрудники ночной смены.

— Можете показать записи за сегодня?

— Я не должна передавать вам гостиничные документы.

— Тогда не передавайте. Покажите нужную страницу. Я запишу только время проверки двери.

— Хорошо.

Журнал лежал внутри, возле служебного входа. Она раскрыла его и повернула ко мне, оставив ладонь на переплёте. Я прочёл три записи за семнадцатое октября: в 19:00 выход заперт, в 20:12 обнаружен незапертым, в 20:18 заперт снова. Между первой и второй строками могло произойти многое, но ни одна не говорила, когда именно дверь открыли.

— После восьми здесь ожидались поставки?

— Насколько я знаю, нет. Обычно всё заканчивается раньше.

— Значит, открытая дверь - не обычная вечерняя доставка.

— По крайней мере, мне о такой доставке ничего не известно.

— Здесь сказано, что дверь обнаружили незапертой в 20:12.

— Это почти сразу после того, как мисс Брукс якобы выехала.

— Именно.

Я переписал часы. Дверь можно было открыть в любой момент между двумя обходами; в 20:12 её только нашли незапертой. Снимок показывал путь к машине, но не людей, которые им воспользовались.

— Вы сказали, что видели здесь мужчину.

— Да. Я вспомнила, когда мы проходили мимо лестницы.

— Расскажите.

— Я относила чистые полотенца на четвёртый этаж. Возле служебной двери стоял мужчина. В тёмной рабочей куртке. Я решила, что он пришёл ремонтировать что-нибудь.

— Почему?

— Из-за куртки. И потому, что он находился в служебной части.

Горничная задумалась. Теперь она смотрела на лестницу, словно видела её при другом освещении.

— Хотя... На нём не было нашего значка.

— Во сколько это было?

— Около 19:50. Может, немного позже.

— Около 19:50?

— Да.

— Он с вами разговаривал?

— Нет. Только спросил, где находится четвёртый этаж.

— Вы ему показали?

— Указала на лестницу.

Она побледнела.

— Господи. А если это был...

— Пока мы не знаем, кто это был.

— Но я сама показала ему дорогу.

— К лестнице, по которой он уже собирался подняться. Вы не давали ему ключ от номера и не разрешали входить к постоялицам.

— Я должна была рассказать вам об этом сразу.

— Тогда вы считали его работником. Сейчас у нас появились причины проверить, так ли это.

Я дал ей время. Женщина всё ещё стояла у раскрытого журнала, но уже не придерживала его. Неприятное воспоминание оказалось для неё важнее служебного запрета.

— Вы сможете его узнать?

— Не уверена. Лицо я видела мельком. Тёмные волосы, примерно тридцать или сорок лет.

— Рост?

— Наверное, немного выше вас. Но я могла ошибиться.

— Не страшно. Лучше честное «не помню», чем уверенное описание не того человека.

Я записал описание, оставив её сомнение рядом с приблизительным возрастом. Затем спросил о направлении.

— Вы заметили, куда он пошёл после вашего разговора?

— Наверх. По служебной лестнице.

— К четвёртому этажу?

— Да. Больше я его не видела.

— Давайте ещё раз проверим время.

Она слушала, пока я читал по блокноту:

— Примерно в 19:50 вы встретили мужчину без значка персонала. Около 19:58 услышали шум из номера Эвелин. А в 20:12 служебный выход обнаружили незапертым.

— Вы думаете, это связано?

— Думаю, это стоит проверить.

Ей пришлось остановиться после последнего ответа. Она смотрела на место, где показывала незнакомцу дорогу; я убрал блокнот, чтобы она не чувствовала необходимости вспоминать что-нибудь ещё.

— Допустим, этот мужчина действительно добрался до номера Эвелин. Как он мог попасть внутрь?

— Может быть, она сама открыла дверь.

— Возможно. А если нет?

— У персонала есть запасные ключи.

— Где их хранят?

— В служебном шкафу у стойки регистрации.

— Кто отвечает за их выдачу?

— Администратор или управляющий.

Мы уже видели, как выдавали ключ для нашего осмотра. Теперь меня интересовало, оставляли ли такую же запись всякий раз. Я посмотрел на ночной журнал.

— И выдачу тоже записывают?

— Должны.

— Тогда мне пора снова навестить вашу стойку регистрации.

— Мистер Хейл...

— Что?

Горничная ответила не сразу.

— Если вы найдёте мисс Брукс... Скажите ей, что я не знала.

— Лучше я сначала найду её.

Она закрыла журнал. На обратном пути мы некоторое время шли молча. Возле тележки горничная остановилась и снова стала сотрудницей, заканчивающей обход. Мне предстояло спуститься к стойке и спросить о ключе, который забрали задолго до нашего осмотра.

Глава 3. До рассвета

К 23:20 я опять стоял у регистрации. Администратор узнала папку и перестала прятать удивление за улыбкой: моего возвращения она уже ждала.

— Мистер Хейл.

— Добрый вечер. Снова.

— Вам удалось осмотреть служебный выход?

— Да. У вас интересный ночной журнал.

Она застыла, положив ладонь на стойку.

— Что вы имеете в виду?

— В 19:00 дверь была заперта. В 20:12 её обнаружили открытой.

— Вероятно, кто-то из персонала забыл её закрыть.

— Вероятно.

Я поставил папку перед собой. В ней находились фотография выхода и переписанные строки журнала. Дождь не оставил во дворе следов, которые стоило бы преследовать; бумаги пока оказались устойчивее.

— А теперь мне нужен журнал запасных ключей.

— Для чего?

— В номере мисс Брукс остался её гостиничный ключ.

— Возможно, она забыла его вернуть.

— Возможно. Но меня интересует второй экземпляр.

— Вы подозреваете кого-то из наших сотрудников?

— Пока я подозреваю, что дверь 407-го номера открывается ключом.

Она не улыбнулась. Я тоже.

— Согласитесь, довольно безобидное предположение.

— Наши ключи хранятся в специальном шкафу. Их выдача регистрируется.

— Значит, вы сможете быстро проверить одну запись.

— Мне потребуется разрешение управляющего.

— Того самого, который уверяет, что никому не выдавал ключ?

Женщина отвела взгляд.

— Я не говорила, что он кому-то его выдавал.

— Я тоже.

Я оставил папку закрытой. Ей уже пришлось показать мне счёт после того, как управляющий ограничил сведения выпиской о выезде. Теперь она решала, достаточно ли одного нарушения служебной осторожности на эту ночь.

— Мне не нужны сведения о других гостях. Только одна строка: выдавался ли сегодня запасной ключ от номера 407.

— И всё?

— Если запись окажется обычной - всё.

— А если нет?

— Тогда у нас появится ещё один вопрос.

Она несколько секунд молчала. Я слышал, как за окнами проехала машина, разбрызгивая воду возле тротуара.

— Я могу показать только запись, которая относится к номеру мисс Брукс.

— Другие мне и не нужны.

— Вы не будете записывать имена остальных постояльцев?

— Нет.

Она достала небольшой журнал из служебного шкафа. Раскрыла почти сразу на нужной странице, прикрыла соседние записи листом. Я не пытался заглянуть под него.

Ниже нужной записи я увидел ещё одну выдачу ключа от 407-го: 22:30, возвращение — 22:45. В графе получателя стояли отметка «горничная» и её подпись; в основании — «Осмотр номера в сопровождении частного детектива Винсента Хейла». Эту часть вечера я помнил без журнала: она получила ключ при мне и вернула после нашего спуска. Я указал на более раннюю запись.

Семнадцатое октября. Номер 407.

Выдан: 19:32. Возвращён: 20:18.

Строка получателя пустовала.

Я переписал время. Между выдачей и возвращением помещались незнакомец у лестницы, шум в комнате, официальный выезд и проверка незапертой задней двери. Тот, кто заполнил журнал, сохранил начало и конец движения ключа, но пропустил человека между ними.

— Здесь не указано, кому выдали ключ.

— Да.

— Это обычная практика?

— Нет. Сотрудник должен расписаться при получении.

— Кто-то нарушил порядок?

— Похоже на то.

— Кто сделал отметку о возвращении?

— Время внесли при вечерней проверке шкафа. Кто положил ключ обратно, я не знаю.

— А кто забрал его в 19:32?

Она закрыла журнал. Медленно, чтобы движение можно было принять за завершение обычной справки.

— В записи этого нет.

— Я заметил.

Я оставил строку получателя пустой и в своём блокноте. Управляющий отрицал передачу ключа; журнал утверждал, что ключа не было в шкафу сорок шесть минут. Пока эти два сообщения оставались рядом, без имени между ними.

— Сегодня около 19:50 горничная видела мужчину в служебной части.

— В отеле постоянно бывают посторонние.

— В вестибюле - безусловно. Этот мужчина был возле лестницы. Без значка персонала. Спрашивал дорогу к четвёртому этажу.

Пальцы женщины крепче сжали обложку. Я продолжил, не повышая голоса.

— Примерно через 8 минут из номера Эвелин донёсся шум.

— Я не знаю, о каком мужчине вы говорите.

— Я пока тоже. Поэтому и спрашиваю.

— Я не могу отвечать за каждого человека, который входит в отель.

— И не прошу. Но кто-то отвечает за запасные ключи.

Она поставила журнал обратно. Дверца шкафа закрылась слишком громко, и женщина посмотрела в сторону кабинета начальника.

— Возможно, сотрудник забыл расписаться.

— Возможно. И в тот же вечер совершенно другой посторонний мужчина случайно оказался возле нужной лестницы.

Я закрыл блокнот.

— Майами - город удивительных совпадений.

Она убрала руку с дверцы шкафа. Теперь между нами снова оставалась только стойка.

— У кого есть доступ к шкафу, кроме сотрудников стойки регистрации?

— У управляющего.

— Он должен расписываться?

— Правила одинаковы для всех.

— Хорошие правила. Жаль, сегодняшняя страница о них не знает.

Я дал ей возможность ответить. Затем задал второй вопрос.

— Вы работали сегодня вечером?

— Да.

— Значит, находились неподалёку, когда ключ исчез из шкафа.

— Я обслуживала гостей.

— Понимаю. Не прошу вас вспоминать то, чего вы не видели.

— Если вспомните что-нибудь об этом ключе, мне нужно будет с вами поговорить.

— Я уже показала вам журнал.

— Да. И за это спасибо.

Я взял папку. Женщина дождалась, когда я повернусь.

— Мистер Хейл...

— Да?

Она посмотрела в сторону кабинета управляющего.

— Вы ведь не собираетесь никого обвинять только из-за пустой строки?

— Нет. Для серьёзного обвинения мне понадобится нечто большее.

Я видел, как она ждёт окончания фразы.

— Например, человек, который видел, кому передали ключ.

Она ничего не ответила.

— Спокойной ночи.

Я вышел из отеля. На улице пришлось остановиться под навесом, чтобы поправить папку и достать ключи от машины. Влажный воздух оказался прохладнее гостиничного. Несколько секунд я просто стоял, вспоминая последовательность вопросов и ответы, которые получил.

Я не хотел снова требовать от неё ответ возле двери начальника. Следующий вопрос ещё не был готов: сначала нужно было проверить, что именно я уже мог ей предъявить.

Я вышел из гостиницы и вернулся в агентство: прежде чем снова говорить с администратором, нужно было собрать разрозненные сведения.

В агентстве горела только моя настольная лампа. Я снял плащ, освободил место на столе и разложил листы, оставив между ними расстояние. Фотографии положил отдельно: пока они не лежат рядом с записями, проще видеть, что каждая показывает сама по себе.

Я освободил доску от старого листа. На его месте поместились две отметки о ключе и рассказ о мужчине на лестнице.

В 19:50 мужчина уже шёл наверх. Запасной ключ отсутствовал с 19:32. В номере я не видел следов взлома. Если ключ передали ему, Эвелин не нужно было открывать дверь самой.

Это означало возможную помощь изнутри отеля. Я не мог подписать под этим выводом имя управляющего: показания о передаче всё ещё отсутствовали.

Возле пустой строки я написал вопрос, который администратор задала мне сама: стану ли я обвинять кого-нибудь из-за этого пропуска. Она не спрашивала ни о снимке комнаты, ни о счёте. Я вспомнил, как её пальцы держали обложку журнала, не давая ему закрыться сразу.

На часах приближалась полночь.

Я оставил на доске копии заметок, собрал папку и снова надел плащ. Следующий разговор требовал не новых угроз. Требовалось показать женщине, что документы уже рассказали часть истории и её слова не повиснут в пустоте.

Музыка в «Мираже» уже стихла. Там, где недавно сидели гости, остались пустые бокалы; сотрудник у дальнего столика собирал их на поднос. Я прошёл мимо, не задерживаясь, и увидел, как администратор повернула голову на мои шаги.

— Мистер Хейл.

Она посмотрела на часы. Было 00:05.

— Я думала, вы уже ушли.

— Уходил.

— И что заставило вас вернуться?

— Несколько фотографий, два журнала и одна пустая строка.

— Не понимаю.

— Думаю, понимаете.

Ей не хотелось даже узнавать, что изменилось за время моего отсутствия. Это чувствовалось в том, как она произнесла последнее слово: законченно, без вопросительной интонации. Я остановился с того края стойки, откуда мы могли говорить негромко.

— Ваш управляющий здесь?

— В своём кабинете. Насколько мне известно.

— Тогда поговорим, пока он занят.

На листе, который я принёс из кабинета, помещалась вся строка журнала ключей. Я развернул его к ней.

— В 19:32 запасной ключ от 407-го номера исчез из шкафа. Около 19:50 незнакомый мужчина появился у служебной лестницы. В 19:58 горничная услышала шум из номера Эвелин. А вскоре после её официального выезда заднюю дверь обнаружили незапертой.

— Вы уже говорили мне об этом мужчине.

— Теперь я знаю кое-что ещё.

Кончиком ручки я указал на место, где должно было находиться имя.

— Кто-то забрал ключ, не оставив своего имени.

— Возможно, сотрудник забыл расписаться.

— Возможно. Но у вашего управляющего, похоже, очень удобная память. Он не видел посторонних, не выдавал ключей и совершенно ничего не знает об исчезновении постоялицы.

Она молчала. Из дальней части вестибюля донёсся тихий звон убираемой посуды.

— Вы мне сказали, что не оформляли её выезд. Я вам верю.

— Тогда зачем вы снова пришли?

— Потому что это не единственное, о чём вы хотели мне рассказать.

Я не знал, правильно ли выбираю момент. Можно было уйти и дать ей ещё полчаса. Только эти полчаса пришлось бы отнять у девушки, которую никто здесь больше не ждал. Я видел номер, в котором остались её вещи, и всё чаще ловил себя на том, что стараюсь не представлять, где она находится сейчас.

— Вы смотрите на кабинет управляющего каждый раз, когда я задаю вопрос. Не нужно быть детективом, чтобы заметить.

— Он мой начальник.

— Знаю.

— Вы ведь потом уйдёте. А мне завтра снова приходить сюда.

— Вот поэтому мы и разговариваем сейчас, пока он нас не слышит.

— Я могу потерять работу.

— Можете.

— Вы даже не пытаетесь меня успокоить.

— Было бы проще сказать, что всё закончится хорошо. Но я этого не знаю.

Администратор отодвинулась от стойки, но не ушла. Я заставил себя выдержать паузу.

— Знаю только, что Эвелин Брукс, возможно, сейчас находится с людьми, которые не собираются отпускать её по собственной воле. И времени у неё становится меньше.

— Я видела его.

Я не потянулся за ручкой. Женщина заговорила сама; сейчас важнее было не заставить её замолчать снова.

— Мужчину, о котором вы спрашивали.

— Когда?

— Сегодня вечером. Точнее, уже вчера. Около 19:30.

Она нахмурилась, проверяя собственное воспоминание.

— Чуть позже. Примерно в 19:35.

— Где?

— Здесь. У служебной части стойки регистрации. Он пришёл не через главный вход.

Служебная сторона стойки была у неё за спиной. Женщина посмотрела туда, будто с нынешнего места легче было восстановить, где стояли двое мужчин.

— Я решила, что у него назначена встреча с управляющим.

— Они разговаривали?

— Да. Недолго. Я не слышала всего разговора.

— Но я видела, что управляющий передал ему ключ.

Я слушал. Шкаф за её спиной находился там же, где был вечером; она несколько раз посмотрела на него, восстанавливая движение.

— Вы уверены, что это был гостиничный ключ?

— Конечно. Он достал его из нашего служебного шкафа. Латунный брелок. На нём был номер.

— Какой?

— 407.

Четыреста семь. Я записал номер, хотя он уже стоял вверху страницы. Рука привычно делала работу, пока я пытался представить движение: шкаф, латунный брелок, чужая ладонь.

— Что произошло дальше?

— Управляющий сказал мужчине воспользоваться служебным проходом. Чтобы тот не мешал гостям в вестибюле.

— Он назвал причину?

— Нет. Я подумала, что это какой-то ремонт. Или частная просьба постоялицы.

— А потом?

— Мужчина ушёл. Управляющий велел мне вернуться к работе.

— А позднее сообщил, что мисс Брукс выехала.

Она перестала ждать моего одобрения после каждого ответа. Я успевал записывать, не предлагая ей новых слов.

— Вы сопоставили эти события?

— Не сразу. Сначала я решила, что всё действительно в порядке. Здесь иногда происходят вещи, которые персоналу лучше не обсуждать.

— Например?

— Люди приезжают с чужими жёнами. Платят наличными. Просят не соединять их с номерами.

Она невесело усмехнулась.

— Через какое-то время перестаёшь задавать вопросы.

— И что изменилось сегодня?

— Горничная спросила, не видела ли я мисс Брукс. Управляющий услышал.

— Он очень спокойно сказал, что девушка уже уехала. И чтобы мы не обсуждали личную жизнь гостей.

— Очень спокойно?

— Да. Это и было странно.

Я вспомнил его любезность. Её могло хватить и на настоящий отъезд, и на попытку заставить сотрудников замолчать. Само спокойствие ничего не добавляло к доказательствам; зато теперь было понятно, почему женщина всё это время оглядывалась на его дверь.

— Когда вы впервые спросили об Эвелин, я уже думала о том ключе. Но если бы я ошиблась...

— Тогда вы обвинили бы своего начальника в том, чего он не делал.

— А если я не ошиблась, он узнает, что я рассказала вам правду.

Я встречал такое положение прежде. До признания человек надеется, что опасность существует только в его воображении. После первого правдивого ответа приходится решать, как жить рядом с ней завтра. Я мог помочь ей рассказать, но не мог обещать без последствий забрать сказанное с собой.

— Послушайте внимательно. Я не могу обещать, что управляющий никогда не узнает о нашем разговоре. Если дойдёт до обвинений, он поймёт, откуда взялась эта информация.

— Звучит не слишком обнадёживающе.

— Зато вы будете знать, на что соглашаетесь.

Она стояла передо мной, и мне пришлось дать ей время решить самой.

— Мне нужно записать ваши показания. Только то, что вы действительно видели и слышали. Никаких догадок.

— А вы найдёте её?

— Если ваш управляющий знает, где она, я заставлю его ответить на этот вопрос.

— Хорошо. Записывайте.

Я записал дату: семнадцатое октября. Приблизительное время — 19:35. Передача запасного ключа из служебного шкафа, номер на брелоке, указание пользоваться служебным проходом. Затем добавил отдельной строкой: свидетельница не видела входа мужчины в комнату и не наблюдала похищения.

Последнюю строку я писал медленнее остальных. Она ограничивала показания, но делала их точнее. Женщина отвечала за то, что видела возле стойки. Всё происходившее за дверью номера мне предстояло восстанавливать другими средствами.

— Прочитайте. Я ничего не перепутал?

— Нет. Всё так.

— Хорошо.

Она дочитала лист и вернула его мне. На лице не появилось облегчения. Я понял, что всё это время ждал его напрасно: поступить правильно и перестать бояться — разные события, и второе не обязано следовать за первым.

— Мистер Хейл...

— Да?

— Если она действительно не уехала сама...

— Сейчас самое важное - выяснить, куда её отвезли.

— Управляющий сегодня несколько раз говорил по телефону. Я не знаю с кем.

— Вы слышали разговор?

— Нет.

— Тогда пока оставим телефоны в покое.

Я убрал показания, оставив неслышанные телефонные разговоры за пределами страницы. Не было смысла выдавать женщине новую роль — свидетельницы заговора, которого она не могла описать.

— Спасибо вам.

— За что?

— За то, что всё-таки рассказали.

Я отошёл от стойки и раскрыл папку на низком столике у кресла. Управляющий отрицал передачу ключа; администратор видела её лично. В журнале стояло 19:32, в её показаниях — около 19:35. Не одна пустая графа: теперь за ней был человек, готовый подтвердить увиденное.

Управляющий солгал. И именно он обеспечил постороннему доступ к номеру. Эвелин от этого не оказалась в безопасности. Мне нужен был адрес.

Я убрал бумаги и вернулся к стойке. Администратор ждала, не садясь.

— Мне нужно поговорить с вашим управляющим.

— Сейчас?

— Боюсь, до завтра это не подождёт.

— Я сообщу ему.

На часах было около 00:35. Женщина исчезла в служебном проходе; я остался возле стойки, где ещё лежали рекламные карточки с расписанием экскурсий. Никто из нас сегодня не спрашивал об экскурсиях.

Управляющий появился без спешки. Он успел привести себя в порядок: воротник сидел безукоризненно, и на лице не осталось раздражения, с которым он разрешал мне осмотреть номер.

— Мистер Хейл. Вы проявляете поразительную преданность своей работе.

— Вы тоже. Всё ещё на службе.

— Когда отвечаешь за репутацию подобного заведения, рабочий день редко заканчивается вовремя.

— Тогда мы оба задержались по одной причине.

— По какой же?

— Из-за репутации вашего отеля.

Я положил папку на стойку. Он посмотрел на неё, затем на администратора. Та отошла к дальнему краю; я не стал требовать, чтобы она присутствовала при каждом слове. Свою часть она уже сделала.

— Полагаю, вы наконец нашли объяснение произошедшему.

— Нашёл несколько. Вы поможете выбрать правильное.

— Давайте не будем снова начинать этот разговор. Мисс Брукс покинула отель около 20:10. Я уже показывал вам регистрационную запись.

— Показывали.

— Тогда что ещё вас беспокоит?

— То, что на бумаге ваша постоялица уехала. А в жизни этот отъезд почему-то никто не заметил.

— Наши гости имеют полное право покидать отель, не устраивая прощальных церемоний.

— Согласен. И иногда они даже оплачивают счёт.

— Если возникла ошибка в бухгалтерии, её исправят.

— Возможно. Но тогда придётся объяснить кое-что ещё.

Я раскрыл папку на выписке о выезде и гостевом счёте. Управляющему приходилось смотреть на оба документа сразу.

— В вашем журнале значится, что Эвелин выехала в 20:10. Но её счёт до сих пор открыт. Ни оплаты, ни подписи.

— Как я уже говорил, бухгалтерские ошибки случаются.

— А иногда вместе с ними случаются забытые деньги. Сумочка Эвелин осталась в номере. Вместе с кошельком и её собственным ключом.

Снимок сумочки лёг поверх нижнего края счёта. Я дождался, пока он рассмотрит фотографию, и продолжил:

— Чемодан она тоже не собрала. А незадолго до вашего «обычного выезда» горничная слышала из номера шум, похожий на борьбу.

Он отвёл взгляд от снимка.

— Теперь расскажите мне, что именно было обычного в этом отъезде.

— Хорошо. Возможно, оформление действительно было выполнено с нарушениями. Бывает, что гость просит уехать немедленно, а персонал завершает документы позже.

— Она попросила об этом лично?

— Насколько мне сообщили.

— Кто сообщил?

— Неужели вы ждёте, что я сейчас вспомню каждую фамилию?

— Пока хватит одной. Эвелин Брукс.

Управляющий посмотрел в сторону главного входа. За стеклом остановился автомобиль; швейцар вышел к пассажирам. В обычный час он, вероятно, воспользовался бы их приездом, чтобы оставить меня ждать. Сейчас он не двинулся.

— Даже если она покинула отель при необычных обстоятельствах, это ещё не делает меня преступником.

— Верно. Поговорим об обстоятельствах.

Я перевернул страницу с показаниями горничной.

— Вы утверждали, что не знаете никаких посторонних мужчин.

— Я не обязан знать каждого посетителя своего отеля.

— Этот посетитель не пользовался главным входом. Около 19:50 его видели возле служебной лестницы. Он спрашивал дорогу к четвёртому этажу.

— Вероятно, технический специалист. Мы регулярно приглашаем подрядчиков.

— Поздновато для ремонта.

— Не всем посчастливилось работать по удобному расписанию, мистер Хейл.

— Это я уже заметил.

Он всё ещё говорил ровно. Каждое объяснение касалось одной неудобной мелочи и переставало работать, стоило поставить рядом следующую. Я показал фотографию заднего выхода, затем запись ночного обхода.

— В 19:00 служебный выход был закрыт. В 20:12 его обнаружили незапертым.

— Кто-нибудь мог забыть запереть дверь после доставки.

— Доставки к этому времени обычно закончены. А выход ведёт прямо на площадку, куда может подъехать машина.

— Вы приписываете обычной служебной двери какой-то особенный смысл.

— Нет. Особенный смысл ей придают мужчина без значка персонала, шум в номере и запасной ключ, отсутствовавший в шкафу именно в это время.

Управляющий задержался на снимке дольше, чем на счёте. За служебной дверью было достаточно места для машины; он это знал и без моей фотографии.

— Предположим, неизвестный мужчина действительно воспользовался служебным выходом. Может быть, он нарушил наши правила. В таком случае мы сами заинтересованы установить его личность.

— Забавно. Раньше вы не знали, что такой мужчина существует.

— Вы принесли мне новую информацию.

— Принёс. И ещё одну принесу.

— Надеюсь, последнюю.

— В некотором смысле.

Предложение выглядело разумным. Мне хотелось попросить его немедленно вызвать людей, которые знали незнакомца. Но звонить он стал бы без меня, а Эвелин всё ещё находилась неизвестно где.

— Мне удалось выяснить, как незнакомец мог попасть в номер Эвелин.

— Вы уже упоминали запасной ключ.

— Упоминал. В 19:32 его забрали из шкафа. Вернули в 20:18.

— И в журнале нет имени получателя. Я ознакомлен с проблемой.

— А я ознакомился с человеком, который видел передачу.

— Осторожнее, мистер Хейл. Подобные обвинения могут весьма дорого обойтись.

— Я пока ничего не предъявил.

Я не повысил голоса. Теперь за стойкой было слышно, как администратор перелистывает бумаги, хотя ни одного гостя перед ней не стояло.

— Ваша администратор видела, как вы достали ключ от номера 407. Было около 19:35. Вы передали его незнакомому мужчине. И велели воспользоваться служебным проходом.

— Она вам это сказала?

— Да.

— Боюсь, моя сотрудница неправильно поняла происходящее.

— Тогда объясните правильно.

Он впервые перестал смотреть на меня. Женщина у дальнего конца стойки не подняла головы, и он повернулся обратно, не окликнув её.

— У нас бывают особые гости. Публичные люди. Состоятельные семьи. Иногда они просят обеспечить конфиденциальный доступ в отдельные номера.

— Эвелин просила вас передать её ключ незнакомцу?

— Я не могу обсуждать личную жизнь наших постояльцев.

— Конечно. Поэтому вы передали ключ мужчине без значка персонала. Не записали его имя. Разрешили пользоваться служебным выходом. А после исчезновения Эвелин оформили ей выезд, оставив открытый счёт.

Я убрал палец с даты в журнале.

— Очень деликатное обслуживание.

— Не советую вам продолжать в таком тоне.

— А я не советую вам продолжать врать.

Он выпрямился, готовясь ответить. Я видел, как легко разговор мог перейти в спор о моих полномочиях, угрозах и правилах приличия. Всё это давало ему время; Эвелин не давало ничего.

— Послушайте. Сейчас меня интересует не ваша репутация. Не деньги, которые вам заплатили. И даже не то, сколько законов вы успели нарушить.

Я дождался, пока он снова посмотрит мне в лицо.

— Мне нужно знать, где находится Эвелин.

— Вы не понимаете, с какими людьми имеете дело.

— Пока не понимаю. Вы можете начать рассказывать.

Долгое время управляющий молчал. Потом наклонился ближе к стойке. Вежливость, которой он прикрывал разговор, исчезла; осталась усталость человека, не придумавшего следующего объяснения.

— Ко мне обратился посредник. Сказал, что нужно организовать одну встречу. Без лишних вопросов.

— Встречу, на которую девушка не соглашалась?

— Мне не говорили, что собираются...

— Что собираются похитить её?

— Я знал, что она не должна заметить их заранее. Думал, они просто увезут её. Уладят какие-то личные обстоятельства.

«Просто увезут». Он произнёс это почти с обидой, будто его подвели, превратив незначительную услугу в преступление. Я вспомнил разбросанные вещи в комнате. Для Эвелин та разница, которую он пытался сохранить для себя, едва ли существовала.

— Поэтому вы решили подделать запись о выезде?

— Мне заплатили. Часть сразу. Остальное должны были передать позже.

— За ключ и служебный выход?

— За то, чтобы никто не задавал вопросов.

— В этом вы преуспели не вполне.

Он продолжал стоять за стойкой, на своём рабочем месте. Мне пришлось напомнить себе, что привычный вид человека ничего не меняет в том, что он только что сказал.

— Куда они отвезли Эвелин?

— Я не могу...

— Можете. Сейчас вы выбираете только одно: собираетесь ли вы продолжать прикрывать этих людей, когда девушку ещё можно найти живой.

— У побережья есть вилла. Туда они должны были её доставить.

— Адрес.

Он взял гостиничный бланк. Первую цифру написал так сильно, что на бумаге осталась борозда. Затем остановился, будто передать адрес было страшнее, чем признаться в остальном.

Я ждал. Он дописал название улицы и придвинул лист ко мне.

— Мне передали его для связи с людьми, которые забрали девушку. Больше я там никогда не был.

— Кто владеет виллой?

— Не знаю.

— А кто вам платил?

— Посредник. Настоящего имени он не называл.

— Как зовут человека, который заказал похищение?

— Я даже не знаю, мужчина это или женщина. Посредник называл его только клиентом.

Я прочёл адрес дважды. Поднял взгляд, надеясь увидеть хотя бы попытку вспомнить что-нибудь ещё: имя, автомобиль, человека, который назначал условия. Управляющий продолжал смотреть на лист между нами.

— Я должен был получить остальные деньги, когда всё закончится.

— Когда именно?

— До рассвета. После этого её собирались увезти куда-то ещё. Куда - не знаю.

До этого момента ночь тянулась отдельными разговорами. Теперь у неё появился срок. Я сложил бланк так, чтобы адрес оставался сверху, и убрал вместе с бумагами.

— Вы останетесь здесь.

— Вы собираетесь вызвать полицию?

— Сначала я найду Эвелин. Потом решим, сколько ещё вопросов вам придётся выслушать.

Он проводил взглядом папку. Возможно, думал, сколько в ней было против него. Я думал о дороге к побережью и о том, что не знаю ни числа людей в доме, ни состояния женщины, которую они держат.

У служебного прохода висел телефон. Я посмотрел на аппарат, потом на управляющего.

— И если вы успеете предупредить тех людей раньше, чем я доберусь до виллы...

Он понял, к чему я веду, раньше, чем я закончил.

— Я начну следующий разговор с этого.

Я мог остаться у телефона и дождаться полиции. Но до её приезда управляющему хватило бы минуты в закрытом кабинете, чтобы предупредить виллу. Тогда адрес на бланке перестал бы что-либо значить. Если поехать самому, звонок всё равно мог опередить меня — только там оставался шанс успеть. Я выбрал дорогу, не зная, какой из двух рисков окажется хуже.

У выхода я развернул бланк ещё раз. Почерк был разборчивым. Дорогу я знал достаточно, чтобы не терять время на поиски поворота.

На этот раз швейцар открыл мне дверь прежде, чем я успел к ней подойти.

Глава 4. Выбраться

Перед последним поворотом я выключил радио. Адрес лежал на соседнем сиденье; сверяться с ним больше не требовалось. По другую сторону дороги темнели ограды, за которыми угадывались верхние этажи домов. Океан я услышал, когда опустил стекло: ровный шум, становившийся громче в промежутках между стенами.

К вилле я подъехал около 01:10. Проехал мимо въезда и оставил машину в стороне от подъездной дороги. Пока шёл обратно, старался запомнить, где заканчивается освещённый участок. Возвращаться, возможно, пришлось бы быстрее.

В нескольких окнах горел свет. За одним из них двигалось голубоватое мерцание телевизора. Мужчина пересёк комнату и ненадолго остановился у окна; я отступил из полосы света, не успев разглядеть лицо. Ему не пришлось даже повернуть голову, чтобы увидеть человека у главного входа. Там я входить не собирался.

Я успел сделать всего один шаг назад. Под подошвой хрустнуло что-то мелкое; я перенёс вес на другую ногу и замер. Мужчина за стеклом повернул голову к комнате. С того места, где я стоял, было невозможно понять, услышал ли он звук. Я дождался, пока его силуэт исчезнет, и только тогда смог отпустить воздух, который держал в груди.

Вдоль боковой стены тянулась узкая дорожка. Над ней шевелились листья пальмы, временами царапая штукатурку. Я подождал, пока фигура уйдёт от окна, и обошёл дом. Из задней двери под навесом вышел мужчина. Не прикрыв её до конца, он прикурил. В прямоугольнике света за его спиной виднелись кухонные шкафы.

Я присел у стены. Под ладонью оказался мелкий камень. За соседней оградой звякнула цепь; я бросил камень туда, подальше от двери. Собака залаяла сразу, резко, будто ей наступили на лапу.

Мужчина погасил сигарету о косяк и пошёл вдоль ограды, всматриваясь в темноту. Я выждал, пока он окажется за углом, и добрался до двери. Она открылась без скрипа. За кухней тянулся короткий служебный проход к гостиной; справа от него начиналась лестница. До неё я не успел дойти.

Собака умолкла. Шаги уже возвращались. Я опустился за высокую кухонную стойку и подтянул ноги, едва не задев коленом нижнюю полку. Мужчина вошёл, постоял на пороге. Свет из двери исчез. Повернулся ключ.

Я видел его ботинки в узком промежутке у края стойки. Он прошёл так близко, что мне пришлось прижать ладонь к губам. Дальше шаги стали тише; из гостиной спросили:

— Что там?

— У соседей собака. Я посмотрел.

— Еду опять до утра повезут?

— Сказали, уже выехал. Ты переднюю дверь услышь.

Заговорил телевизор. Я ещё немного посидел на корточках, прежде чем решился выглянуть. Ключ остался в кухонной двери с внутренней стороны. Я запомнил его положение и двинулся к лестнице. Между служебным проходом и гостиной была широкая арка; через неё виднелся край кресла. На нижних ступенях лежал ковёр. Я двигался по нему, оставляя стену у плеча и останавливаясь всякий раз, когда голоса становились громче.

На лестнице приходилось ставить ступню целиком и медленно переносить вес. Поручень был гладким от чужих рук. Я взялся за него и сразу подумал, как придётся спускаться здесь вдвоём. До сих пор любая ошибка касалась только меня; через несколько минут это могло измениться.

Пахло полированным деревом, чистящим средством и табаком. На столике у лестницы не было ни фотографий, ни оставленной книги. Слишком мало, чтобы судить о хозяевах, достаточно, чтобы не чувствовать себя в чьём-то обычном доме.

Наверху я услышал слабый звон. Он донёсся из комнаты в конце коридора, из-под двери которой падала полоска света. Затем зашуршала ткань. Я подождал, но шагов не последовало.

Я уже протянул руку к ручке, когда заметил шнур, уходивший от неё к ножке узкого столика рядом с дверью. На краю столешницы стоял металлический поднос с пустыми стаканами. Шнур был натянут: открой дверь в комнату — столик дёрнется, и поднос полетит на плитку.

Я придержал ножку и снял со столика поднос. Поставил на пол, отделив стаканы друг от друга. Только после этого освободил ручку от шнура.

Я ещё не видел, кто за дверью. Если управляющий успел позвонить, меня могли ждать. Спуститься назад и перепроверить было негде: снизу доносились голоса. На часах было около 01:20. Ручка поддалась; незапертая дверь открылась настолько, чтобы увидеть кровать.

Лампа горела у кровати. За окном чернела вода. На постели сидела девушка, прижав к груди светлое одеяло; при движении двери она резко подняла голову и отодвинулась к изголовью. Я остановился.

Она не закричала. Смотрела на меня, не отводя глаз, и ждала, что я сделаю дальше. Между кроватью и дверью оставалось несколько шагов. Я остался у порога.

Последние часы я искал Эвелин Брукс в чужих ответах и гостиничных записях. Теперь она была передо мной, живая, а я ещё ничем не отличался для неё от другого незнакомца, которому позволили войти. Хотелось сразу сказать, что всё закончилось. Но снизу доносился телевизор, и за стеной оставались те, кто привёз её сюда.

Я убрал руку с дверной ручки и оставил обе ладони на виду.

— Эвелин Брукс?

— Кто вы?

— Винсент Хейл. Частный детектив.

— Они вас прислали?

— Нет. Меня попросили вас найти.

— Кто?

— Женщина из вашего отеля. Горничная.

При слове «горничная» она моргнула. Впервые её взгляд изменился: она пыталась соединить моё появление с человеком, которого знала.

— Она... Она слышала?

— Да. И не поверила, когда ей сказали, что вы просто уехали.

— Я думала, никто не придёт.

— Я немного опоздал. Но теперь я здесь.

Я произнёс последние слова тише. Эвелин посмотрела поверх моего плеча в коридор. Я остался на пороге.

Мне приходилось говорить достаточно ясно, чтобы она поняла, и достаточно тихо, чтобы слова не ушли на лестницу. Эвелин следила за моим ртом, потом снова смотрела в коридор. Я не оборачивался вместе с ней: боялся, что за этот короткий поворот она решит, будто мы оба услышали приближающиеся шаги.

— Я останусь здесь. Не буду приближаться, пока вы сами не скажете, что можно.

— Хорошо...

— Вы ранены?

— Не знаю.

Она опустила глаза на руки. Некоторое время рассматривала их так, словно ответ находился там.

— Кажется, нет.

— Хорошо. Мы можем двигаться медленно. Главное - выбраться отсюда.

— Они сказали, сразу услышат, если я попробую выйти. Я даже ручку не трогала.

— Снаружи стоял поднос. Я его убрал.

Она посмотрела на дверь, потом снова на меня.

— А если они вернутся?

— Тогда нам лучше не ждать.

Внизу что-то громко сказали по телевизору. Эвелин вздрогнула и прижала одеяло плотнее. Я прислушался; к лестнице никто не шёл.

— Моя одежда... Она здесь.

— Я подам её вам.

Она показала на вещи в стороне от кровати. Я подал их и сразу отступил, прежде чем заговорить снова.

Её пальцы сначала не удержали ткань. Я остановился с одеждой на вытянутой руке, не пытаясь вложить её в ладони. Эвелин взяла вещи со второй попытки и придвинула к себе. Только после этого я отошёл.

— Я отвернусь. Скажите, когда будете готовы.

— Мистер Хейл?

— Я здесь.

— Не уходите.

— Не уйду.

Я повернулся к двери. Сзади слышалось осторожное движение, шорох одежды. Лампа отбрасывала мой силуэт в коридор; я чуть сместился, чтобы он не выступал за дверной проём. Больше всего хотелось, чтобы снизу ничего не услышали. Я ждал, прислушиваясь к голосам внизу.

За спиной ткань зашуршала и стихла. Несколько секунд ничего не происходило. Я смотрел на противоположную стену; по ней проходила моя тень всякий раз, когда я чуть менял положение. Хотелось спросить, нужна ли помощь. Я не спросил. Она уже попросила о том, что ей требовалось от меня: не уходить.

— Я всё ещё не уверена, что это происходит на самом деле.

— Проверим простым способом.

— Каким?

— Когда выйдем, вы сможете пожаловаться на мою манеру вождения.

— Вы плохо водите?

— Только когда пытаюсь произвести впечатление.

Её голос на мгновение стал мягче. Я не видел улыбки и не стал оборачиваться проверить. Шорох одежды возобновился, теперь немного быстрее. Снизу всё ещё доносился телевизор.

— Я готова.

— Хорошо. Нам нужно спуститься по лестнице и выйти через кухню.

— Внизу кто-то есть.

— Знаю. Я слышал голоса. Вы сможете идти тихо?

— Да.

— Держитесь позади меня. Если попрошу остановиться - остановитесь. Если понадобится бежать - скажу.

Когда я обернулся, она стояла возле кровати в кремовой блузке и коричневой юбке. Лицо оставалось бледным. Она проверила, прочно ли держится на ногах, и кивнула.

— А вы?

— Постараюсь не отстать.

Я вышел первым. Эвелин держалась близко, но не хваталась за меня. У верхней площадки я показал ей остановиться. Теперь свет из спальни оставался за нашими спинами; на

нижних ступенях он почти исчезал. Я прислушался. Снизу раздался смех, один мужчина ответил другому, и оба снова замолчали.

Эвелин смотрела на лестницу. Я медленно поставил ногу на первую ступень. Она повторила движение. Приходилось ждать её после каждого шага, не поворачиваясь всем телом: с площадки лестницу могли заметить из гостиной. Я держал руку низко, чтобы она видела, когда нужно остановиться.

На середине лестницы я перестал слышать её шаги. Обернулся. Эвелин смотрела в сторону гостиной, где голубоватый свет менялся на стене. До нижней ступени оставалось совсем немного. Я раньше прошёл здесь один и почти не почувствовал, как много воздуха остаётся между укрытием наверху и дверью внизу.

— Всё хорошо?

— Мне страшно.

— Знаю. Осталось немного.

Я не потянул её за собой. Моя рука оставалась возле поручня, в стороне от неё. Эвелин посмотрела на нижнюю ступень и сделала шаг. Потом ещё один.

В гостиной задвигали стул. Коротко постучали в переднюю дверь. Мы дошли до арки и замерли: в двух шагах стоял мужчина, левым боком к нам. Он смотрел в сторону входа. Стоило ему повернуть голову — ни я, ни Эвелин уже не успели бы отступить.

— Кто там?

— Доставка.

Мужчина выругался и пошёл открывать. Я повернулся к кухонному проходу. За спиной у него звякнула цепочка на двери.

— Вы пешком её несли?

— Адрес не сразу нашёл.

Я сделал шаг. Эвелин сжала мой рукав. Мужчина полуобернулся к комнате:

— Ты деньги взял?

Я застыл с поднятой пяткой. Из гостиной ответили, чтобы забирал пакеты. Курьер что-то переспросил, и охранник снова повернулся к двери. Эвелин отпустила рукав и едва заметно толкнула меня вперёд.

Мы прошли за его спиной, пока шуршала бумага. Я видел кухонную стойку, за которой прятался, но всё никак не мог до неё дойти: казалось, шаги разносились по всему дому. У самой двери Эвелин задела мою руку. На этот раз я не обернулся, только нащупал ключ.

Замок поддался. Я придержал дверь, выпустил её под навес и прикрыл створку снаружи. Ключ оставил там, где нашёл.

Мы успели за угол прежде, чем вдоль стены скользнул свет фар. Эвелин прижалась рядом со мной. Двигатель работал совсем близко; я ждал, глядя на её пальцы, всё ещё державшие рукав. Автомобиль доставщика развернулся и выехал со двора. Только тогда мы пошли дальше.

Листья скребли штукатурку; за каждым таким звуком мне слышалось движение из дома. Теперь я не мог ускориться сам и ждать её у ограды. Приходилось выбирать шаг, который она могла повторить. У края освещённого участка Эвелин остановилась, посмотрела назад и пошла дальше без моего знака.

За оградой стала видна машина. Я достал ключи заранее и зажал металлическое кольцо в ладони. Пальцы плохо попадали в замок. Эвелин стояла рядом, не прося поторопиться; от этого я чувствовал промедление ещё отчётливее. Наконец дверь открылась. Она села и оглянулась на дом один раз.

Пока обходил капот, я не услышал ни окрика, ни шагов. С водительского места вилла была видна между деревьями. Я закрыл дверь, и на мгновение мы остались в тесной тишине салона. Эвелин положила ладонь на ручку рядом с собой. Я не стал запирать её дверь.

Я завёл двигатель и выехал на дорогу. Первые повороты проверял по памяти; в зеркале оставалось тёмное полотно без чужих фар. Около без четверти два мы уже удалялись от виллы. Только после следующего перекрёстка я немного ослабил пальцы на руле.

Эвелин сидела рядом, сложив руки на коленях. Свет встречных фар проходил по её лицу; всякий раз она напрягалась, затем поворачивала голову к заднему стеклу. Я оставил радио выключенным.

— Мы точно уехали?

— Да.

— Они не поедут за нами?

— Если поедут, я замечу.

— Вы всегда отвечаете так спокойно?

— Нет. Иногда я вру убедительнее.

Она посмотрела на меня. Я услышал, как коротко получилось последнее слово, и перестал искать следующую шутку.

— Шучу.

Проверил зеркало ещё раз, прежде чем добавить:

— Нас никто не преследует.

— Хорошо.

Она повернулась к окну. Несколько минут мы слышали только двигатель и шины. На горизонте появились огни бензоколонки, затем вывеска круглосуточной закусочной. У входа мужчина ел, прислонившись к автомобилю. Я заметил, как Эвелин проводила его взглядом: обычный человек мог стоять под открытым небом, ни от кого не прячась.

Я сбавил скорость, проезжая неровный участок. Эвелин упёрлась ногами в пол прежде, чем машину качнуло. Потом посмотрела на меня, будто собиралась объяснить это движение. Я оставил его без вопроса. Разговаривать о том, что с ней произошло, она могла позже; сейчас мне достаточно было вести так, чтобы ей не приходилось снова готовиться к удару.

— Куда мы сейчас?

— В мой офис.

Она насторожилась.

— Там безопасно. И там есть телефон.

— Почему не в полицию?

— Можем поехать в полицию, если вы захотите.

— Но вы бы не советовали.

— Я этого не говорил.

— Не пришлось.

Я посмотрел на неё. Усталость не мешала ей услышать то, чего я не сказал. Мне пришлось выбирать: отделаться ещё одной шуткой или дать настоящий ответ.

— У меня остались причины не доверять некоторым людям в департаменте. Это не значит, что вся полиция продажна. Но мне нравится сначала понимать, кому именно я отдаю информацию.

— Вы раньше работали там?

— Да.

— И ушли?

— Можно сказать и так.

Эвелин не стала уточнять, что значит «можно сказать». Я видел в боковом стекле её отражение. Она слушала меня, но взгляд ещё уходил назад всякий раз, когда свет с дороги попадал на салон.

— Значит, офис.

— Пока да. Там сможете отдохнуть, позвонить кому нужно и решить, что делать дальше.

— А вы?

— Я заварю кофе и попробую понять, сколько людей сегодня мне солгали.

— Много?

— День ещё не закончен.

Она устроилась чуть удобнее, прислонив голову к спинке. Дорога становилась ровнее; больше не приходилось всматриваться в тёмные въезды. Мы возвращались в город.

— Вы сказали, что вас нашла горничная.

— Да.

— Как её зовут?

— Она попросила пока не использовать её имя.

— Она рисковала работой.

— Похоже на то.

— Она всегда была добра ко мне.

Эвелин посмотрела на проезжавшие за окном огни.

— Я даже не успела её поблагодарить.

— Успеете.

— Вы уверены?

— В этом - да.

Она могла поблагодарить горничную сама. Я оставил ей это намерение, не предлагая сразу передать слова вместо неё.

Некоторое время мы ехали молча. Потом Эвелин заговорила, не поворачиваясь ко мне.

— Они пришли вечером.

Я не стал задавать вопрос. Она продолжила сама:

— Сказали, что из отеля. Что нужно проверить что-то в номере.

На следующем перекрёстке я сбавил скорость.

— Один вошёл первым. Второго я увидела только потом.

— Вам не обязательно рассказывать сейчас.

— Я знаю.

Она вдохнула и договорила:

— Наверное, именно поэтому и хочу.

— Хорошо. Я слушаю.

— Когда я поняла, что они не сотрудники, попыталась дойти до двери. Один из них схватил меня. Я закричала. Потом...

Слово оборвалось. Я видел, что она снова смотрит перед собой, но уже не на дорогу.

— Этого достаточно.

— Я не помню всей дороги. Кажется, мне что-то дали. Или я просто была слишком напугана.

Я удержался от следующего вопроса. Без объяснения пропавшего времени трудно было восстановить путь к вилле, но сейчас рядом со мной сидела женщина, которая впервые рассказывала о нём по собственной воле. Я слушал, не доставая блокнот.

— Когда очнулась, я уже оказалась в том доме.

— Вы слышали имена?

— Нет. Они почти не разговаривали со мной. Между собой - иногда.

— Что-нибудь запомнилось?

— Один сказал, что всё должно закончиться до рассвета.

До рассвета. Управляющий назвал тот же срок. Я почувствовал, как напряглись плечи, и заставил себя смотреть на дорогу.

— И ещё...

Я ждал.

— Они несколько раз говорили о каком-то «клиенте». Не называли имени.

— Мужчина? Женщина?

— Я не знаю.

— Вы тоже не знаете, кто это?

— Пока нет.

— Тогда зачем им была нужна я?

Она наконец повернулась ко мне. Я не нашёл ответа, который не оказался бы догадкой, сказанной ради утешения.

— Не знаю. И не стану придумывать ответ только потому, что вам нужен хоть какой-нибудь.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не сказали «всё будет хорошо».

— Я стараюсь не обещать вещи, которые не могу доказать.

— Удобная привычка для детектива.

— Ужасная для светской беседы.

Мы остановились на красный. Поперечная улица была пустой, сигнал долго не менялся. Мне вдруг стало легче от того, что можно просто ждать, сидя в машине, а не слушая шаги за стеной.

— Сейчас можно было проехать.

— Можно.

— Но вы остановились.

— У меня сегодня были сложные отношения с людьми, которые считают правила необязательными.

— Очень принципиально.

— Не привыкайте.

Эвелин чуть улыбнулась. Я дождался зелёного. Несколько минут мы ехали, не возвращаясь ни к её рассказу, ни к моим прежним вопросам. Она разжала руки на коленях; потом снова сцепила пальцы. Я не мог по одному движению решить, насколько ей стало легче.

— Я ведь о вас ничего не знаю.

— Это взаимно.

— Вы хотя бы знали моё имя до того, как нашли меня.

— И номер комнаты.

— Романтично.

— Профессиональная деформация.

Она некоторое время рассматривала меня. Я чувствовал её взгляд и старался не отвечать на него слишком часто, чтобы не пропустить поворот.

— Винсент Хейл.

— Да.

— Можно просто Винсент?

— Можно.

— Тогда я Эвелин.

— Это я уже установил в ходе расследования.

Она тихо засмеялась. Смех закончился быстро. Я подождал, не продолжая удачную реплику; Эвелин снова повернулась к окну, и мы проехали следующий квартал молча.

До офиса оставалось несколько кварталов. У прачечной грузили мешки в фургон; за стеклом бара на углу кто-то поднял стул на стол. Я узнавал места, мимо которых ездил почти каждый день, и впервые за ночь это приносило пользу: здесь я уже знал, куда свернуть и где остановиться.

— У вас всегда так тихо в машине?

— Радио сломано.

— Вы же говорили, что его выключили.

— Теперь вы знаете обо мне слишком много.

— Уже жалеете, что нашли меня?

— Спросите утром.

Я припарковался у своего здания. Несколько секунд двигатель ещё работал. Выключив его, я услышал, как шумит наружный вентилятор соседей.

— Мы приехали.

— Здесь безопасно?

— Замок старый. Соседи любопытные. А лестница скрипит так, что незаметно подняться невозможно.

Она посмотрела на тёмные окна второго этажа. Я тоже посмотрел, прежде чем продолжить:

— Для этой ночи сойдёт.

— Хорошо.

Рука Эвелин легла на дверную ручку, но она не открыла сразу.

— Винсент?

— Да?

— Спасибо, что приехали.

— Поблагодарите меня после кофе. Он многое меняет.

Я вышел и подождал её на тротуаре. Эвелин открыла свою дверь сама. Прежде чем идти к подъезду, посмотрела в обе стороны улицы. Я остался рядом, не торопя её. К этому времени мы уже были в Майами; часы показывали около четверти третьего.

Около 02:20 мы поднялись в кабинет. Я включил лампу и отступил от двери, оставляя Эвелин проход. Она задержалась у порога, пока свет не добрался до углов.

— Здесь вы работаете?

— Когда удаётся.

— А когда не удаётся?

— Делаю вид, что разбираю документы.

— Здесь уютно.

— Подождите, пока увидите счета за аренду.

Она прошла внутрь и заметила доску. Там оставалась фотография её комнаты. Эвелин остановилась перед ней, как перед знакомым местом, в котором внезапно переставала узнавать свою жизнь.

— Вы действительно нашли меня по всем этим бумагам?

— Не только по бумагам. Несколько человек оказались внимательнее, чем им полагалось по должностным инструкциям.

— Горничная.

— Она первая.

— Я хочу её поблагодарить.

— Думаю, она будет рада узнать, что с вами всё в порядке.

— А с ней всё будет хорошо?

— Управляющему теперь есть о чём беспокоиться помимо собственного персонала. Но я не стану обещать, что он не попытается доставить ей неприятности.

— Значит, ей тоже может понадобиться помощь.

Я посмотрел на доску. Там горничная была записана только как свидетель: время шума, номер комнаты, несколько слов о незнакомце. Эвелин спрашивала о том, что будет с ней утром, после моего ухода из отеля.

— Сначала займёмся вами. Здесь есть телефон. Можете позвонить тому, кому доверяете. И я предлагаю съездить в больницу. После такого осмотр нужен, даже если ничего не болит.

Эвелин посмотрела на дверь.

— Я физически нормально себя чувствую. Они меня не били. При мне сказали, что клиенту нужна целая и невредимая.

Она произнесла последние слова без выражения.

— Это не значит, что врач ничего не найдёт, — сказал я.

— Понимаю. Но сейчас я не хочу в больницу. Можно не сейчас?

— Можно. Если передумаете или почувствуете себя хуже — скажите.

Я придвинул к ней телефон.

— И обсудим, как передать полиции всё, что удалось выяснить.

— А пока?

— Пока можете отдохнуть. Если предпочитаете поехать в другое место, скажите.

— Можно я останусь здесь хотя бы до утра?

— Конечно.

— Я просто не хочу сейчас снова садиться в машину.

— Не придётся.

Я освободил стул и положил газеты в нижний ящик. Эвелин проследила за мной, прежде чем сесть. Я показал, где умывальник, и оставил свет у входа включённым.

— Устраивайтесь. Я ещё немного поработаю, а вы постарайтесь отдохнуть.

— Вы уверены, что я вам не помешаю?

— У меня были посетители, которые мешали гораздо больше.

— А вы совсем не устали?

— Устал.

— Тогда почему не ложитесь спать?

— Есть одна папка, которую я хотел бы закрыть до утра.

— Моя?

— Ваша.

Эвелин села, но не откинулась на спинку. От её стула до двери оставался свободный проход. Я убрал с пола папку, лежавшую возле ножки стола, и сел на своё место.

— Если захотите о чём-нибудь спросить...

— Сегодня больше не стану. Вы уже достаточно рассказали.

— Спасибо.

Я проверил замок и поставил воду. Когда обернулся, она уже закрыла глаза. Я двигался тише, хотя толку от этого было немного: на лестнице скрипнула ступень, и Эвелин сразу посмотрела на дверь. Шаги прошли выше. Я подождал вместе с ней, пока они стихнут, и только потом вернулся к столу.

Писать оказалось трудно. Я дважды прочёл один и тот же вопрос управляющему и каждый раз слышал в памяти, как задвигали стул в гостиной виллы. Пришлось начать с простого: дата, имя, отель. Эвелин изредка меняла положение. Я не спрашивал, спит ли она; держал дверцу ящика, когда закрывал, и старался не двигать кресло.

Она не могла знать, когда я поднимусь из-за стола, и я всякий раз говорил об этом прежде, чем вставал за водой или к окну. Это было неловко — сообщать о нескольких шагах в собственном кабинете. Но после первого раза она перестала следить за каждым моим движением, и я продолжил.

Ночь уходила постепенно. Сначала перестали доноситься голоса из соседнего здания, потом на улице проехала грузовая машина. Я услышал воду и обернулся: Эвелин стояла у умывальника с чашкой. В следующий раз, когда я поднял голову, она уже сидела у стола.

— У вас есть ещё одна чашка?

— Кофе?

— Нет. Чашка.

— А что не так с этой?

— Я пыталась отмыть её, пока вы смотрели в окно.

Она посмотрела внутрь чашки и добавила:

— Не получилось.

— Это память о моей прежней карьере.

— Чашка?

— Налёт.

Эвелин засмеялась — коротко, без попытки сразу извиниться за смех. Я нашёл другую чашку. Она всё ещё иногда смотрела на дверь, но больше не следила за ней непрерывно.

— Что будет с управляющим?

— Его показаниями придётся заняться полиции. У меня достаточно материалов, чтобы поставить перед ним весьма неприятные вопросы.

— А люди с виллы?

— Их ещё предстоит найти.

— Вы ведь не считаете дело законченным.

— Считаю, что нашёл вас. А вот историю вашего исчезновения законченной не назову.

— Из-за того человека?

— Какого?

— Которого они называли клиентом.

— Да.

К утру я дописывал отчёт. Время выдачи ключа — 19:32 — не совпадало с временем передачи, которое назвала администратор: около 19:35. Я отметил оба, а поздний осмотр в 22:30–22:45 вынес отдельно. В поздней строке стояла подпись горничной; расследуемая вечерняя строка по-прежнему оставалась без получателя.

Показания о мужчине на лестнице около 19:50 и шуме примерно в 19:58 я записал в раздел свидетельств. Эвелин попыталась восстановить, как дошла до двери и как её удержали. Её рассказ оборвался там, где память становилась неясной. Я не дополнил его часами из гостиничного журнала.

Снимок заднего выхода объяснял, как можно миновать вестибюль. Рядом я оставил отметку «дверь обнаружена открытой в 20:12». Часа вывоза мы не знали.

На выписке о выезде стояло 20:10. Время, когда управляющий вписал эту ложную запись, он не назвал. Я оставил место для уточнения и перешёл к его признанию: ключ, деньги, адрес, обещанная передача до рассвета.

Я перечитал отчёт от начала до конца. Управляющий обеспечил доступ, содействовал похищению и помог скрыть исчезновение. Но заплативший за всё человек не имел ни имени, ни лица. В соответствующей строке я написал, что его личность не установлена, и поставил точку.

— Всё?

— С этой частью - да.

— Вы нашли человека, который помог им.

— Нашёл.

— Но не того, кто всё заказал.

— Нет.

— Он ведь может снова попытаться?

— Не знаю. Поэтому нам нужно решить, кому передать материалы и как обеспечить вашу безопасность дальше.

Она заметила слово раньше, чем я успел подумать о нём.

— Вы говорите «нам».

— Неудачная привычка.

— Мне нравится.

Я закрыл папку. Эвелин некоторое время смотрела на обложку, потом подняла глаза.

— Можно я задам вам один вопрос?

— Вы сегодня заработали право минимум на три.

— Вы всегда работаете один?

— Обычно.

— И вам нравится?

— Иногда никто не спорит о том, куда я складываю документы.

Я оглядел стол, на котором бумаги действительно занимали большую часть свободного места.

— Судя по вашему столу, вам бы это не помешало.

Она не улыбалась, когда продолжила:

— Я не предлагаю сейчас ничего решать. Но если вам придётся продолжать это расследование...

— Что?

— Я хочу знать, что вы выясните.

— Вы имеете на это право.

— И, возможно, я смогу помочь.

Мне хотелось согласиться слишком быстро. Эвелин говорила уже увереннее, чем на лестнице, и я мог принять эту перемену за готовность снова идти туда, где её будут спрашивать о похищении. Я посмотрел на её руки. Она держала чашку обеими, хотя та давно остыла.

— Эвелин, сейчас вам прежде всего нужно заняться собой. Работа никуда не денется.

— А если я всё равно вернусь?

— Тогда хотя бы предупредите.

— Чтобы вы успели прибраться?

— Чтобы спрятал чашки.

Мы оба улыбнулись, но разговор не закончился. Эвелин смотрела на меня так, будто решала, стоит ли возвращаться к тому, что оставила в машине.

— Винсент?

— Да?

— Когда вы открыли дверь в том доме...

Она помолчала, подбирая слова.

— Я правда решила, что всё начнётся.

— Знаю.

— Нет.

Я не ответил. Она была права: я видел, как она испугалась, и слишком легко решил, что этого достаточно для понимания.

— Не думаю, что знаете.

Эвелин посмотрела прямо на меня.

— Но вы остановились. Не подошли. Не стали меня ни в чём убеждать. Просто спросили, как меня зовут.

Я слушал, не перебивая.

— В тот момент это было очень важно.

— Тогда я рад, что начал с правильного вопроса.

— Я тоже.

За окном светлело. Внизу поднимали металлическую решётку, открылось кафе; первый автобус прошёл мимо здания, на мгновение заглушив улицу. Около 06:40 я отложил готовый отчёт.

Эвелин сидела напротив. Она всё ещё не выспалась и иногда прислушивалась к лестнице. Я положил ручку; впервые за ночь мне не нужно было спрашивать её о следующем событии.

Папку об исчезновении я закрыл. Человека, который заплатил за него, ещё предстояло найти.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.